

Ты влюблена. Ты любима. Ты одержима.

НОВАЯ
ЭКСКЛЮЗИВНАЯ
ГЛАВА

ТАЙНЫЙ

ДНЕВНИК

Верити

18+

КОЛИН
ГУВЕР

Более 3 000 000 000 просмотров в *TikTok*

Колин Гувер

Тайный дневник Верити

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63591166

Тайный дневник Верити: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-179824-6

Аннотация

Колин Гувер – трехкратная обладательница премии Goodreads Choice Award в номинации «роман о любви».

Ее произведения переведены на десятки языков и возглавляют списки бестселлеров New York Times и Amazon. Колин Гувер – одна из авторов – икон жанра, чьи книги ждут миллионы читателей во всем мире.

Лоуэн Эшли на грани финансового краха. Поэтому она принимает предложение от мужа известной писательницы Верити Кроуфорд стать соавтором ее романа, поскольку та после аварии не встает с кровати и ни на что не реагирует.

Среди черновиков новой книги Лоуэн случайно находит незаконченную биографию – ту, которую Верити точно не собиралась обнародовать. Текст пестрит безумием, и в нем есть признание в убийстве.

Поначалу Лоуэн не решается рассказать об этом ее мужу Джереми, к которому испытывает симпатию. Но когда Лоуэн начинает подозревать, что Верити симулирует болезнь, а ночью

разгуливает по уснувшему дому, она понимает, что найти истину должна во имя собственной безопасности.

«Предупреждаем: этот роман не растопит ваше сердце. Он испепелит вашу душу». – Kindle Crack Book reviews

«Эмоционально заряженный, жутковатый, увлекательный роман». – TotallyBooked Blog

«Это не просто книга, это интуитивный опыт». – Биби Истон, автор бестселлеров «44 главы о четырех мужчинах», «Рыцарь» и других

«Эта книга лишает дара речи. «Верити» – увлекательная, быстро набирающая обороты, запутанная, захватывающая история». – Read More Sleep Less Blog

#1 New York Times bestselling author
An Amazon top 100 bestseller of 2020!

Содержание

1	6
2	17
3	46
4	53
Так тому и быть	77
Глава первая	78
5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Колин Гувер

Тайный дневник Верити

© Захарченко Д., перевод на русский язык, 2023

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

«Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящаю эту книгу
единственному человеку,
кому вообще можно ее посвятить.
Таррин Фишер,
спасибо, что принимаешь тьму в людях
так же, как принимаешь их свет.*

1

Я слышу треск черепа, прежде чем долетают брызги крови.

Ахаю и быстро отступаю обратно, на тротуар. Туфля соскакивает с бордюра, и мне приходится ухватиться за знак «*Парковка запрещена*», чтобы удержаться на ногах.

Этот мужчина был передо мной несколько секунд назад. Мы стояли в толпе и ждали, пока переключится светофор, а потом он слишком рано выскочил на проезжую часть и попал под грузовик. Я прыгнула вперед, пытаюсь его остановить – но моя рука схватила воздух, а он уже упал. Я закрыла глаза, когда его голова оказалась под колесом, но услышала хлопок, словно открыли бутылку шампанского.

Он виноват сам – вышел на дорогу, уткнувшись в телефон, – возможно, побочный эффект от многократного благополучного пересечения одной и той же улицы. *Смерть от рутины.*

Люди ахают, но никто не кричит. Пассажир грузовика выпрыгивает наружу и опускается на колени рядом с телом. Делаю шаг в сторону, когда несколько человек спешат к нему на помощь. Мне не нужно смотреть на мужчину под колесом, я и так знаю, что он мертв. Достаточно посмотреть на мою некогда белую рубашку – на разбрызганную по ней кровь, – и станет ясно: ему нужен катафалк, а не «Скорая».

Разворачиваюсь, чтобы уйти с места происшествия и найти, где можно перевести дух, но светофор переключается на зеленый, и плотная толпа срывается с места. Плыть против течения этой манхэттенской реки невозможно. Проходя мимо аварии, некоторые даже не отрываются от телефонов. Замираю на месте и дожидаясь, пока толпа рассосется. Обворачиваюсь, стараясь не смотреть на сбитого мужчину. Водитель грузовика стоит возле машины с испуганным видом и говорит по мобильному. Ему помогают три-четыре человека. Еще несколько, движимые нездоровым любопытством, записывают жуткую сцену на телефоны.

Если бы я по-прежнему жила в Вирджинии, все происходило бы совершенно иначе. Все бы остановилось. Поднялась бы паника, люди бы кричали, через несколько минут подъехало бы телевидение. Но здесь, на Манхэттене, машины так часто сбивают пешеходов, что это немногим серьезнее простого неудобства. Задержка в движении для одних, *испорченная одежда для других*. Вероятно, это происходит настолько часто, что даже не попадет в прессу.

Хотя равнодушие некоторых местных обитателей меня напрягает, десять лет назад я переехала в большой город именно поэтому. Людям вроде меня подходят перенаселенные города. В местах такого масштаба мои беды кажутся незначительными. Здесь полно людей с историями куда более жалостливыми, чем моя.

Здесь я невидима. Неважна. На Манхэттене слишком люд-

но, чтобы на меня обращали внимание, и за это я его люблю.

– Вы не ранены?

Поднимаю взгляд на мужчину, который прикасается к моей руке и осматривает рубашку. С глубокой тревогой на лице он сканирует меня взглядом в поисках ранений. Судя по реакции, он к ожесточившимся обитателям Нью-Йорка не относится. Возможно, живет здесь сейчас, но явно приехал из места, где еще существует сострадание.

– Вы не ранены? – повторяет незнакомец, на этот раз глядя мне в глаза.

– Нет. Это не моя кровь. Я стояла с ним рядом, когда... – Я умолкаю. *У меня на глазах только что умер человек.* Я была так близко, что вся покрылась его кровью.

Я переехала в этот город, чтобы стать невидимой, но я точно не бессердечна. Я над этим работаю – пытаюсь стать твердой, как бетон под ногами. Получается не слишком хорошо. Чувствую, как увиденное оседает внутри.

Прикрываю рот рукой, но быстро убираю ладонь, почувствовав на губах что-то липкое. *Еще кровь.* Опускаю взгляд на рубашку. Столько крови, причем не моей. Берусь за ткань и пытаюсь оттянуть рубашку от груди, но она прилипла к коже в тех местах, где пятна начинают высыхать.

Похоже, мне нужна вода. Начинает кружиться голова, мне хочется потереть лоб, почесать нос, но я боюсь себя трогать. Смотрю на незнакомца, по-прежнему сжимающего мою руку.

– На лице тоже есть?

Он поджимает губы и отводит взгляд, осматриваясь вокруг. Жестом показывает на ближайшее кафе.

– У них должен быть туалет, – говорит он, кладет руку мне на поясницу и ведет туда.

Бросаю взгляд на другую сторону улицы, на издательство «Пантем Пресс», куда я направлялась до происшествия. Я была так близко. В нескольких метрах от встречи, где мне критически важно оказаться.

Интересно, насколько близко погибший мужчина был от *своего* места назначения?

Незнакомец придерживает передо мной дверь, когда мы доходим до кафе. Мимо нас пытается протиснуться женщина со стаканами кофе в обеих руках, но потом она видит мою рубашку. Пятится и пропускает нас внутрь. Я направляюсь в сторону женского туалета, но дверь закрыта. Мой спутник открывает дверь мужского и жестом приглашает меня следовать за собой.

Не запирая двери, он направляется к раковине и включает воду. Я смотрюсь в зеркало и с облегчением вижу, что все не так плохо, как я себе представляла. Несколько потемневших брызг засыхающей крови на щеках и над бровями. К счастью, рубашка приняла основной удар на себя.

Незнакомец протягивает мне мокрые бумажные полотенца, и я вытираю лицо. Теперь я чувствую запах крови. Резкий запах воскрешает в памяти время, когда мне было де-

сять лет. Запах крови был таким сильным, что я помню его до сих пор, столько лет спустя.

Пытаюсь задержать дыхание из-за нового приступа тошноты. Не хватало еще, чтобы меня вырвало. Но мне нужно снять эту рубашку. *Немедленно.*

Расстегиваю ее дрожащими пальцами, стягиваю и подкладываю под струю. Пока вода делает свое дело, беру у незнакомца новую порцию влажных полотенец и принимаюсь стирать кровь с груди.

Он направляется к двери, но вместо того, чтобы выйти и обеспечить мне немного личного пространства, пока я стою в своем наименее привлекательном бюстгальтере, он запирает нас изнутри, чтобы никто не зашел и не увидел меня без рубашки. Мне становится не по себе от этого возмутительно рыцарского поступка. С тревогой наблюдаю за ним через зеркало.

Кто-то стучит.

– Минуточку, – отзывается он.

Немного расслабляюсь, успокоенная мыслью, что в крайнем случае мой крик услышат.

Занимаюсь кровью, пока не удастся полностью оттереть шею и грудь. Потом рассматриваю волосы, поворачиваясь перед зеркалом, но нахожу лишь пару сантиметров темных корней под потускневшей «карамелью».

– Вот, – говорит мужчина, расстегивая последнюю пуговицу белоснежной рубашки, – наденьте.

Пиджак он уже повесил на ручку двери. Он снимает рубашку и остается в белой майке. Мускулистый, выше меня ростом. Я утону в его одежде. В таком виде на встречу приходить нельзя, но выбора нет. Беру у него рубашку. Тянусь за новой порцией сухих полотенец, вытираю кожу, натягиваю рубашку и застегиваю пуговицы. Выглядит нелепо, но надо хотя бы радоваться, что это не *мой* череп лопнул на чей-то наряд. *Светлая сторона.*

Вытаскиваю мокрую рубашку и принимаю тот факт, что вещь уже не спасти. Выбрасываю ее в мусорное ведро, хватаюсь за раковину и плююсь на собственное отражение. На меня смотрит пара усталых, пустых глаз. Из-за ужаса недавно увиденных событий ореховый оттенок потемнел до тускло-коричневого. Растираю ладонями щеки, пытаюсь придать немного цвета, но безуспешно. Бледная как смерть.

Прислоняюсь к стене, отвернувшись от зеркала. Мой спутник развязывает галстук. Убирает его в карман пиджака и какое-то время молча меня разглядывает.

– Не понимаю, спокойны вы или в шоке.

Я не в шоке, но и спокойствием это назвать нельзя.

– Сама не знаю, – признаюсь я. – А вы в порядке?

– Нормально, – отвечает он. – К сожалению, видал и похуже.

Наклонив голову набок, я пытаюсь проанализировать загадочный ответ. Он разрывает зрительный контакт, но я всматриваюсь еще пристальнее, задаваясь вопросом, что мо-

жет быть хуже раздавленной фургоном головы. Может, он все же коренной житель Нью-Йорка. Или работает в больнице. В нем чувствуется уверенность, которая часто бывает у людей, отвечающих за других.

– Вы врач?

Он качает головой.

– Агент по недвижимости. Во всяком случае, бывший.

Он делает шаг вперед и протягивает руку к моему плечу, стряхивая что-то с рубашки. С *его* рубашки. Несколько секунд пристально вглядывается мне в лицо и пятится назад.

Его глаза – такого же цвета, как галстук, который он только что засунул в карман. *Шартрез*. Незнакомец хорош собой, но что-то подсказывает мне, что он об этом сожалеет. Что его внешность буквально доставляет ему неудобство. Он не хочет, чтобы его замечали. И предпочитает оставаться невидимым в этом городе. *Как и я*.

Ведь большинство людей приезжают в Нью-Йорк, чтобы их заметили. Остальные приезжают сюда прятаться.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Лоуэн.

Когда я называю свое имя, он умолкает, но лишь на несколько секунд.

– Джереми.

Он поворачивается к крану, снова включает воду и начинает мыть руки. Я продолжаю пялиться на него, не в силах подавить любопытство. Что он имел в виду, когда сказал, что

видел вещи похуже случая, свидетелями которого мы стали? Он сказал, что работал агентом по недвижимости, но даже самые ужасные дни риелторской работы не могут наполнить человека такой угрюмостью.

– Что у вас произошло? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня через зеркало.

– О чем вы?

– Вы сказали, что видели и похуже. Что именно вы видели?

Он выключает воду, вытирает руки и поворачивается ко мне.

– Вы правда хотите знать?

Я киваю.

Он выбрасывает бумажное полотенце в мусорную корзину и сует руки в карманы. Его манеры становятся еще более угрюмыми. Он смотрит мне в глаза и спокойно говорит:

– Пять месяцев назад я вытащил из озера тело своей восьмилетней дочери.

Я резко втягиваю воздух и подношу руку к шее. *Он выглядит вовсе не угрюмо. Это было отчаяние.*

– Мне очень жаль, – шепчу я.

Это правда. Мне жаль его дочь. И жаль, что я проявила любопытство.

– А вы? – спрашивает он. Прислоняется к столешнице, давая понять, что готов к этому разговору. Что ждал этого разговора. Ждал, когда встретит кого-нибудь, рядом с кем

его трагедии покажутся менее трагичными. Так бывает, когда переживаешь нечто самое страшное. Ищешь людей вроде себя... Людей, которым хуже, чем тебе... И используешь их, чтобы почувствовать себя лучше после кошмарных вещей, которые с тобой случились.

Прежде чем заговорить, я сглатываю – теперь мои трагедии кажутся ничтожными. Вспоминаю последнюю и стесняюсь рассказывать о ней вслух – по сравнению с его она кажется совсем незначительной.

– На прошлой неделе у меня умерла мама.

Он не реагирует на мое горе так, как я отреагировала на его. Он не реагирует вообще – возможно, потому что надеялся, что у меня все хуже, чем у него. Но нет. *Он победил.*

– Как она умерла?

– Рак. Последний год я ухаживала за ней у себя в квартире. – Он первый человек, кому я сказала об этом вслух. Я чувствую на запястье биение пульса и сжимаю его другой рукой. – Сегодня я вышла на улицу впервые за несколько недель.

Еще несколько мгновений мы смотрим друг другу в глаза. Я хочу сказать что-нибудь еще, но прежде мне никогда не приходилось вести столь тяжелый разговор с абсолютно незнакомым человеком. И мне хочется его закончить, потому что куда он может завести?

Никуда. Он просто заканчивается.

Мужчина снова поворачивается к зеркалу и осматривает

себя, поправляя прядь непослушных темных волос.

– У меня встреча, я должен идти. Вы уверены, что все хорошо?

Теперь он смотрит на мое отражение в зеркале.

– Да. Нормально.

– *Нормально?* – он поворачивается, произнося это слово, словно вопрос, словно *нормально* звучит вовсе не так убедительно, как *хорошо*.

– Со мной все будет нормально, – повторяю я. – Спасибо за помощь.

Я хочу, чтобы он улыбнулся, но момент неподходящий. Интересно, как выглядит его улыбка. Мужчина слегка пожимает плечами и говорит:

– Ну хорошо.

Потом отпирает дверь и распахивает ее, пропуская меня вперед, но я не выхожу. Вместо этого я продолжаю смотреть на него, еще не готовая столкнуться с внешним миром. Я оценила его доброту и хочу сказать что-нибудь еще, как-то его поблагодарить – возможно, купить кофе или вернуть потом рубашку. Меня привлекает его альтруизм – такая редкость в наши дни. Но блеск обручального кольца на левой руке подталкивает меня вперед, прочь из уборной и кафе, на улицу, где теперь собралась еще большая толпа.

Подъезжает «Скорая помощь», заблокировав движение в обоих направлениях. Возвращаюсь к месту происшествия: возможно, нужны мои показания. Стою в ожидании возле

полицейского, который записывает показания другого свидетеля. Они ничем не отличаются от моих, но я все равно рассказываю, что видела, и оставляю контактную информацию. Не уверена, помогут ли чем-нибудь мои показания, если учесть, что я не видела, как именно его сбили. Скорее была достаточно близко, чтобы это услышать. Достаточно близко, чтобы меня разукрасило, словно картину Джексона Поллока.

Оборачиваюсь и вижу: Джереми выходит из кафе со свежим кофе в руке. Переходит улицу, явно на чем-то сосредоточенный. Его разум находится где-то в другом месте, далеко от меня – возможно, он думает о жене и о том, что ей скажет, когда вернется домой без рубашки.

Вытаскиваю из сумочки телефон и смотрю на время. До встречи с Кори и редактором из «Пантем Пресс» еще пятнадцать минут. Теперь, когда рядом нет незнакомца, отвлекавшего меня от мыслей, руки дрожат еще сильнее. Кофе может помочь. Морфин бы *точно* помог, но хоспис забрал его на прошлой неделе, когда они приезжали за своим оборудованием после маминой смерти. Жаль, я была в слишком глубоком шоке, чтобы его спрятать. Сейчас он бы правда мне пригодился.

Вчера вечером, когда Кори написал насчет сегодняшней встречи, он вышел со мной на связь впервые за много месяцев. Я сидела за рабочим столом и наблюдала, как по большому пальцу ноги ползет муравей.

Муравей был один, метался влево и вправо, вверх и вниз, в поисках еды или друзей. Казалось, одиночество его смущало. А может, он наслаждался новообретенной свободой. Мне невольно стало любопытно, почему он один. Обычно муравьи путешествуют армиями.

Тот факт, что я испытала любопытство по поводу муравья, был явным признаком того, что мне пора выйти из квартиры. Меня беспокоило, что после того, как я провела столько времени в замкнутом пространстве, ухаживая за мамой, я выйду за дверь и почувствую себя такой же беспомощной, как этот муравей. Влево, вправо, внутрь, наружу, *где мои друзья, где еда?*

Муравей сполз с ноги на деревянный пол. Он исчез под стеной, когда пришли сообщения от Кори.

Несколько месяцев назад, когда я подвела черту, я надеюсь, он поймет: раз у нас больше нет секса, самый подходящий способ связи между литературным агентом и писателем – электронная почта.

В сообщении было написано: *Встречаемся завтра в де-*

вять утра в здании «Пантем Пресс», на четырнадцатом этаже. Думаю, у нас может быть для тебя предложение.

Он даже не спросил про мою маму. Впрочем, я не удивилась. Полное отсутствие интереса к чему-либо, кроме работы и его собственной персоны, – основные причины, по которым мы больше не вместе. Его безразличие вызвало у меня необоснованное раздражение. Он мне ничего не должен, но мог хотя бы сделать вид, что ему не все равно.

Вчера вечером я ему вообще ничего не ответила. Вместо этого я положила телефон и уставилась на трещину под стеной – ту, куда исчез муравей. Интересно, найдет ли он там других муравьев, или он одинок. Может, он такой же, как я, и испытывает неприязнь к другим муравьям.

Сложно сказать, откуда у меня столь глубокая антипатия к людям, но если бы мне пришлось заключить пари, я бы сказала, что это прямое следствие того, что от меня была в ужасе собственная мать.

Возможно, *в ужасе* – преувеличение. Но она определенно не доверяла мне, когда я была ребенком. И держала меня в относительном уединении от людей вне школы, потому что боялась того, что я могу сделать во время многочисленных эпизодов лунатизма. Эта паранойя перетекла и во взрослый возраст, и к тому времени я уже сформировалась как личность. Одиночка. Почти без друзей и со скудной общественной жизнью. Именно поэтому сегодня – первое утро, когда я покинула квартиру спустя несколько недель после ее смерти.

Я думала, в свой первый выход на улицу я отправлюсь в место, по которому скучала, например в Центральный парк или в книжный.

И точно не ожидала, что окажусь здесь, в очереди в холле издательства, отчаянно молясь, что это предложение, каким бы оно ни было, позволит мне заплатить аренду и меня не выселят. Но вот я здесь, и на предстоящей встрече решится, окажусь ли я без крыши над головой или получу работу, которая позволит мне искать новое жилье.

Опускаю взгляд и разглаживаю белую рубашку, которую Джереми одолжил мне в уборной через дорогу. Надеюсь, я выгляжу не слишком глупо. Возможно, получится выйти из ситуации, сделать вид, что ношение мужских рубашек в два раза большего размера, чем мой, – какой-то новый модный тренд.

– Хорошая рубашка, – говорит кто-то у меня за спиной.

Поворачиваюсь на звук голоса и с изумлением вижу Джереми.

Он что, меня преследует?

Подходит моя очередь, я протягиваю охраннику водительское удостоверение и смотрю на Джереми, заметив, что на нем новая рубашка.

– Ты что, хранишь запасные рубашки в карманах брюк? Буквально недавно он отдал мне ту, которая была на нем.

– Мой отель в соседнем квартале. Сходил, переоделся. Его отель. Многообещающе. Если он живет в отеле, воз-

можно, он здесь не работает. А если он здесь не работает, возможно, он не относится к издательской индустрии. Сама не знаю почему, но я не хочу, чтобы он работал в издательской индустрии. Я понятия не имею, с кем мне предстоит встречаться, но после сегодняшнего-то утра надеюсь, что с ним это никак не связано.

– Значит, вы не работаете в этом здании?

Он достает документы и протягивает охраннику.

– Нет, я здесь не работаю. У меня встреча на четырнадцатом этаже.

Ну разумеется.

– У меня тоже, – отвечаю я.

У него на губах появляется мимолетная улыбка и так же быстро исчезает, словно он вспоминает о случившемся на улице и решает, что прошло еще слишком мало времени, чтобы не принимать это во внимание.

– Насколько велики шансы, что мы направляемся на одну и ту же встречу?

Он забирает документы у охранника, который показывает нам в сторону лифтов.

– Не знаю, – признаюсь я. – Мне не сказали, почему именно я здесь.

Мы заходим в лифт, и он нажимает кнопку четырнадцатого этажа. Поворачивается ко мне лицом, достает из кармана галстук и принимается его надевать.

Я не могу отвести взгляда от его обручального кольца.

– Вы писатель? – спрашивает он.

Я киваю.

– А вы?

– Нет. Моя жена, – он затягивает галстук и фиксирует его на месте. – Может быть, я знаю какое-нибудь из ваших произведений?

– Сомневаюсь. Мои книги никто не читает.

У него приподнимаются уголки губ.

– В мире не так много Лоуэн. Уверен, я смогу выяснить, что за книги вы пишете.

Зачем? Он правда хочет их прочитать? Он опускает взгляд на телефон и начинает печатать.

– Я не говорила, что публикуюсь под своим настоящим именем.

Джереми не отрывается от телефона, пока не открываются двери лифта. Он делает к ним шаг, но поворачивается ко мне и замирает в проходе. Поднимает телефон и улыбается.

– Вы пишете не под псевдонимом. А под своим именем, Лоуэн Эшли, и, как ни смешно, именно с этим автором я встречаюсь сегодня в девять тридцать.

Я наконец увидела эту улыбку, и какой бы роскошной она ни была, больше я ее видеть не желаю.

Он только что нашел меня в Гугле. И хотя моя встреча начинается в девять, а не в девять тридцать, кажется, он знает о ней больше, чем я. Если мы действительно направляемся на одну и ту же встречу, наши шансы столкнуться на улице

кажутся довольно сомнительными. С другой стороны, не так уж странно, что мы оказались в одно время в одном месте, если учесть, что мы шли в одном направлении на одну и ту же встречу, и поэтому стали свидетелями одного и того же происшествия.

Джереми отступает в сторону, и я выхожу из лифта. Открываю рот, готовясь заговорить, но он делает несколько шагов назад.

– Увидимся.

Я совершенно его не знаю и не представляю, как он связан с предстоящей встречей, но даже не учитывая деталей утреннего происшествия, я ничего не могу поделать – мне нравится этот парень. Он в буквальном смысле слова отдал мне последнюю рубашку.

Улыбаюсь, прежде чем он исчезает за углом.

– Хорошо. Увидимся.

Он улыбается в ответ.

– Хорошо.

Смотрю ему вслед, он поворачивает налево и исчезает. Оказавшись вне поля его зрения, мне удастся немного расслабиться. Утро выдалось... Насыщенное. Увиденное происшествие, пребывание в замкнутых пространствах с этим смущающим меня незнакомцем, все это странно. Опираюсь ладонью на стену. Какого черта...

– Ты вовремя, – замечает Кори. Его голос меня пугает. Поворачиваюсь и вижу, как он подходит по коридору с про-

тивоположной стороны. Наклоняется и целует меня в щеку. Я напрягаюсь.

– Ты всегда опаздываешь.

– Я бы пришла еще раньше, но... – Я умолкаю. И не объясняю, что именно меня задержало. Похоже, его это совершенно не интересует, потому что он уходит в том же направлении, что и Джереми.

– На самом деле встреча назначена на половину десятого, но я предположил, что ты опоздаешь, и сказал тебе приходиться к девяти.

Я замираю, глядя ему вслед. *Какого черта, Кори?* Если бы он сказал мне приходиться в девять тридцать, а не девять, я бы не стала свидетелем того происшествия на улице. Меня бы не обрызгало кровью незнакомого человека.

– Ты идешь? – спрашивает Кори, останавливается и оглядывается на меня.

Я скрываю свое раздражение. Это привычно для меня, когда я нахожусь в его обществе.

Мы заходим в пустой конференц-зал. Кори закрывает за нами дверь, и я сажусь за стол. Он занимает место рядом, во главе стола, и поворачивается ко мне лицом. Я пытаюсь не хмуриться, глядя на него после перерыва в общении продолжительностью в несколько месяцев, но он не изменился. Все такой же аккуратный, ухоженный, с галстуком, в очках, с улыбкой на губах. Как всегда, полная противоположность мне.

– Ужасно выглядишь.

Я говорю так, потому что он выглядит не ужасно. Он никогда не выглядит ужасно и об этом знает.

– А ты выглядишь отдохнувшей, просто восхитительно.

Он говорит это, потому что я никогда не выгляжу ни отдохнувшей, ни восхитительно. Я всегда выгляжу устало и, возможно, даже уныло.

– Как мама?

– Умерла на прошлой неделе.

Этого Кори не ожидал. Он откидывается на спинку стула и наклоняет голову.

– Почему ты мне не сказала?

А почему ты спрашиваешь только сейчас? Пожимаю плечами.

– Я еще осознаю.

Мама жила со мной последние девять месяцев – с тех пор, как у нее диагностировали рак толстой кишки четвертой стадии. Она умерла в прошлую среду, спустя три месяца после пребывания в хосписе. В последние месяцы мне почти не удавалось уходить из квартиры, потому что она зависела от меня во всем – я поила ее, кормила, переворачивала в кровати. Когда состояние ухудшилось, я вообще не могла оставить ее одну, и поэтому не выходила из квартиры несколько недель. К счастью, интернет и кредитка с легкостью позволяют жить на Манхэттене, вообще не выходя из дома. Доставить могут все что угодно.

Забавно, что один из самых густонаселенных городов может при этом быть раем для агорафобов.

– Ты в порядке? – спрашивает Кори.

Скрываю собственное беспокойство за улыбкой, понимая, что его забота – лишь формальность.

– Ничего. Это было ожидаемо, поэтому стало проще.

Я просто говорю то, что он, как я думаю, ожидает услышать. Не знаю, как он отреагирует на правду – что я испытываю облегчение после ее смерти. Мать приносила в мою жизнь лишь чувство вины. Ни больше ни меньше. Лишь постоянное чувство вины.

Кори направляется к столешнице, где стоят выпечка к завтраку, бутылки с водой и графин.

– Ты голодна? Хочешь пить?

– Выпила бы воды.

Он берет две бутылки, протягивает одну мне и возвращается на место.

– Нужна помощь с завещанием? Уверен, Эдвард сможет помочь.

Эдвард – юрист в литературном агентстве Кори. Агентство небольшое, и многие писатели обращаются к Эдварду по разным вопросам. К сожалению, мне его помощь не понадобится. В прошлом году, когда я подписывала договор об аренде двухкомнатной квартиры, Кори пытался убедить меня, что я ее не потяну. Но мама настояла, что хочет умереть с достоинством – в собственной комнате. А не в доме пре-

старелых. Не в больнице. Не в больничной кровати посреди моей крошечной квартирки. Она хотела собственную спальню со своими вещами.

Она пообещала, что деньги, которые останутся на ее счету после смерти, помогут мне наверстать упущенное время писательской карьеры. Весь год я жила на остатки гонорара за последний контракт. Но теперь деньги кончились, и на счету моей мамы, как выяснилось, тоже. Это было одним из ее последних признаний перед тем, как она наконец проиграла борьбу с раком. Я бы заботилась о ней независимо от финансовой ситуации. Она была моей матерью. Но тот факт, что она почувствовала необходимость обмануть меня, чтобы я согласилась ее взять к себе, доказывает, насколько ненадежной была наша связь.

Делаю глоток воды и качаю головой.

– Юрист не нужен. Она оставила мне только долги, но спасибо за предложение.

Кори морщит губы. Ему известна моя финансовая ситуация, потому что это он отправляет мне гонорары, как мой литературный агент. И поэтому теперь он смотрит на меня с жалостью.

– Скоро придет гонорар за зарубежное издание, – сообщает он, будто я не в курсе каждого пенни, который должен мне поступить в ближайшие полгода. *Будто я уже не потратила эти деньги.*

– Знаю. Я справлюсь.

Я не знаю, как обсуждать свое финансовое положение с Кори. С кем угодно.

Кори пожимает плечами, явно сомневаясь в моих словах. Опускает взгляд и поправляет галстук.

– Надеюсь, это предложение принесет пользу нам обоим, – говорит он.

Какое облегчение – он сменил тему.

– Зачем нужна личная встреча с издателем? Ты же знаешь, я предпочитаю решать вопросы по электронной почте.

– Вчера они запросили личную встречу. Сказали, что у них есть работа, которую они хотят с тобой обсудить, но рассказать подробности по телефону они не могут.

– Я думала, ты работаешь над новым контрактом с моим предыдущим издателем.

– Твои книги расходятся неплохо, но все же недостаточно хорошо, чтобы договориться о новом контракте без твоего присутствия. Ты должна поддерживать активность в социальных сетях, отправиться в тур, сформировать базу фанатов. Одних продаж недостаточно, чтобы держаться на плаву в условиях нынешнего рынка.

Этого я и боялась. Обновление контракта с текущим издателем было моей последней финансовой надеждой. Гонорары за предыдущие книги иссякли вместе с продажами. И последний год я очень мало писала из-за постоянного ухода за мамой, поэтому мне нечего предложить издательствам.

– Я понятия не имею, что предложит «Пантем» и будет

ли это тебе вообще интересно, — говорит Кори. — Мы должны будем подписать соглашение о неразглашении, прежде чем они сообщат нам подробности. Любопытно, к чему такая секретность. Я стараюсь не возлагать особых надежд, но возможностей множество, и у меня хорошее предчувствие. Они нам нужны.

Он говорит *нам*, потому что, если я приму предложение, он в любом случае получит пятнадцать процентов. Стандартная клиентская плата агенту. *Нестандартно* то, что мы провели шесть месяцев в отношениях и занимались сексом еще два года после расставания.

Наши сексуальные отношения продлились так долго, потому что у него, как и у меня, не было никого, к кому бы мы относились серьезно. Нам было удобно до определенного момента. Но *настоящие* отношения продлились так мало, потому что он был влюблен в другую женщину.

И неважно, что другая женщина в наших отношениях тоже была мной.

Должно быть, легко запутаться, когда влюбляешься в слова писателя до личной встречи с писателем. Некоторым людям трудно отделить персонаж от человека, который его создал. Кори, как ни странно, из этих людей, хоть и работает литературным агентом. Он влюбился в женского протагониста моего первого романа «Открытый финал» еще до того, как поговорил со мной лично. Он посчитал, что личность персонажа была близким отражением моей собствен-

ной, хотя на самом деле я была ее абсолютной противоположностью.

Кори был единственным агентом, ответившим на мой запрос, и даже этот ответ пришел лишь через несколько месяцев. Его письмо состояло лишь из нескольких предложений, но их оказалось достаточно, чтобы снова вдохнуть жизнь в мою умирающую надежду.

Я прочитал Вашу рукопись, «Открытый финал», за несколько часов. Я верю в эту книгу.

Если Вы по-прежнему ищете агента, позвоните мне.

Его письмо пришло утром в четверг. Уже два часа спустя между нами состоялся исчерпывающий телефонный разговор о моей рукописи. В пятницу днем мы встретились, чтобы выпить кофе, и подписали контракт.

К вечеру субботы мы переспали три раза.

Не думаю, что наши отношения нарушили какой-то этический кодекс, но уверена, это сыграло определенную роль в их краткосрочности. Когда Кори выяснил, что я совсем не похожа на свой персонаж, он понял, что мы друг другу не подходим. Я не была героической. Я не была простой. Я оказалась сложной. Эмоциональная загадка, которую, как оказалось, он не был готов решать.

Впрочем, я и не хотела, чтобы меня разгадывали.

Как ни трудно было состоять с ним в отношениях, быть его клиентом оказалось удивительно легко. И поэтому после нашего расставания я решила не менять агентство – когда

дело касалось моей карьеры, он был преданным и беспристрастным.

– Выглядишь немного измученно, – говорит Кори, прерывая мои размышления. – Нервничаешь?

Я киваю, надеюсь, что он спишет мое поведение на волнение, потому что я не хочу объяснять, почему выгляжу измученной. Я вышла из квартиры два часа назад, но такое впечатление, что за эти два часа произошло больше, чем за весь предыдущий год. Опускаю взгляд на свои ладони... Руки... В поисках следов крови. Ее там больше нет, но я по-прежнему ее чувствую. *Чувствую ее запах.*

Руки все еще дрожат, и я продолжаю прятать их под столом. Теперь, оказавшись здесь, я понимаю, что, возможно, приходить мне не стоило. С другой стороны, мне нельзя упускать возможный контракт. Не сказать, чтобы на меня сыпались предложения, и если я не подпишу что-нибудь в ближайшее время, придется искать постоянную работу. А если я устраюсь на постоянную работу, у меня почти не останется времени писать. Зато я хотя бы смогу оплачивать счета.

Кори достает из кармана носовой платок и вытирает пот со лба. Он потеет только когда нервничает. А тот факт, что он нервничает, заставляет меня нервничать еще сильнее.

– Нам нужен тайный сигнал на случай, если тебя не заинтересует предложение?

– Давай послушаем, что они предложат, а потом мы мо-

жем попросить дать нам переговорить наедине.

Кори щелкает ручкой и выпрямляется на стуле, словно разделится перед сражением.

– Разговоры предоставь мне.

В любом случае я так и планировала. Он харизматичен и очарователен. Крайне сомневаюсь, что хоть кто-то сможет охарактеризовать подобным образом меня. Лучше, если я просто буду сидеть и слушать.

– Как ты *одета*? – Кори озадаченно рассматривает мою одежду, заметив ее только сейчас, хотя провел со мной последние пятнадцать минут.

Опускаю взгляд на свою огромную рубашку. В какой-то момент я и забыла, как глупо выгляжу.

– Сегодня утром я пролила кофе на свою рубашку, пришлось переодеться.

– Чья это рубашка?

Пожимаю плечами.

– Может, твоя. Она висела у меня в шкафу.

– Ты вышла из дома в таком виде? Больше надеть было нечего?

– А что, разве не стильно смотрится?

Это сарказм, но Кори не понимает. Он морщит лицо.

– Нет. А ты хотела выглядеть стильной?

Какой придурок. Но он хорош в постели, как и большинство придурков.

Я даже испытываю облегчение, когда дверь открывается

и заходит женщина. За ней следует, как-то очень комично, пожилой мужчина – настолько близко, что он врезается в ее спину, когда она останавливается.

– Черт, Баррон. – Слышу я ее бормотание.

Сдерживаю улыбку, подумав, что *Черт Баррон* может быть его настоящим именем.

Последним заходит Джереми. Он украдкой кивает мне, чтобы не заметили остальные.

Женщина одета лучше, чем я когда-либо в жизни, у нее короткие черные волосы и такая красная помада, что в девять утра это даже немного раздражает. Похоже, она самая главная, потому что она пожимает руку Кори и потом мне, пока господин Баррон осматривается.

– Аманда Томас, – представляется она. – Я издатель из «Пантем Пресс». Это Баррон Стивенс, наш юрист, и Джереми Кроуфорд, наш клиент.

Мы с Джеремижимаем друг другу руки, и ему прекрасно удается сделать вид, будто у нас не было крайне странного утра. Он тихо садится напротив меня. Я стараюсь на него не смотреть, хотя мой взгляд, кажется, стремится исключительно туда. Не представляю, почему он вызывает у меня больше интереса, чем вся сегодняшняя встреча.

Аманда достает из портфеля папки и кладет их передо мной и Кори.

– Благодарю, что согласились с нами встретиться, – говорит она. – Мы не хотим тратить ваше время впустую, поэто-

му перейду сразу к делу. Один из наших авторов не в состоянии выполнить контракт по медицинским причинам, и мы ищем писателя с опытом работы в том же жанре, которому может быть интересно закончить три оставшиеся книги в серии.

Бросаю взгляд на Джереми, но по непроницаемому выражению его лица ничего нельзя сказать о его роли на этой встрече.

– Кто этот автор? – уточняет Кори.

– Мы с удовольствием расскажем вам детали и условия, но перед этим просим подписать соглашение о неразглашении. Мы хотим сохранить текущую ситуацию нашего автора в тайне от СМИ.

– Разумеется, – говорит Кори.

Я молча соглашаюсь, мы оба просматриваем условия соглашений и их подписываем. Кори подвигает их обратно к Аманде.

– Ее зовут Верити Кроуфорд, – сообщает та. – Уверена, вам знакомы ее работы.

Как только звучит имя Верити, Кори напрягается. *Разумеется*, нам знакомы ее работы. Ее знают все. Я отваживаюсь бросить взгляд в сторону Джереми. *Верити его жена? У них одинаковые фамилии.* Внизу он сказал, что его жена – писатель. Но почему он пришел на встречу по ее делам? На встречу, куда она даже не явилась?

– Да, имя знакомое, – говорит Кори, не раскрывая карт.

– У Верити очень успешный цикл романов, и мы крайне не заинтересованы прервать его, – продолжает Аманда. – Наша задача – найти писателя, который захочет принять участие, закончить цикл, завершить книжные туры, писать пресс-релизы и все остальное, чем обычно занимается Верити. Мы планируем выпустить пресс-релиз и представить публике нового соавтора, сохранив как можно больше приватности для Верити.

Книжные туры? Пресс-релизы?

Теперь Кори смотрит на меня. Он знает, что этот аспект меня не устраивает. Многим авторам прекрасно удастся взаимодействовать с читателями, но я настолько неловкая, что боюсь, что если читатели увидят меня лично, они зарекутся читать мои книги. Я всего один раз устраивала автограф-сессию и не могла перед этим спать по ночам целую неделю. Во время сессии мне было так страшно, что я едва могла говорить. А на следующий день получила электронное письмо от читательницы, которая заявила, что я вела себя с ней, как высокомерная сучка, и она больше никогда не будет читать мои книги.

Именно поэтому я сижу дома и пишу. Думаю, представление обо мне куда лучше меня реальной.

Ничего не говоря, Кори открывает папку, которую протягивает ему Аманда.

– Какую компенсацию получит миссис Кроуфорд за три романа?

Черт Баррон отвечает на этот вопрос:

– Условия контракта Верити с издательством останутся прежними, и, разумеется, не раскрываются. Все гонорары получит Верити. Но мой клиент, Джереми Кроуфорд, готов выплатить по семьдесят пять тысяч за книгу.

Когда я слышу такую сумму, все внутри сжимается. Но воодушевление быстро испаряется, когда я осознаю грандиозность задачи. Из малоизвестного писателя мне придется стать соавтором литературной сенсации – возможно, для меня такой прыжок высоковат. Я чувствую тревогу, даже просто думая о такой вероятности.

Кори наклоняется вперед и складывает руки перед собой на столе.

– Я так понимаю, уровень оплаты обсуждаем.

Я пытаюсь привлечь внимание Кори. Хочу дать ему понять, что обсуждать тут нечего. Я точно не смогу принять предложение закончить этот цикл книг, я слишком нервничаю, чтобы их писать.

Черт Баррон выпрямляется на стуле.

– При всем уважении, Верити Кроуфорд потратила более десяти лет на развитие своего бренда. Бренда, которого иначе бы не существовало. Предложение касается трех книг. Семьдесят пять тысяч за книгу, вместе получается двести двадцать пять тысяч долларов.

Кори бросает ручку на стол и откидывается на спинку стула, делая вид, что не впечатлен.

– Каковы сроки сдачи работы?

– Мы уже отстаем от графика, поэтому нам хотелось бы увидеть первую книгу через полгода после подписания контракта.

Когда она говорит, я не могу оторвать взгляда от красной помады, размазанной у нее по зубам.

– Сроки сдачи двух других можем обсудить. В идеале нам хотелось бы завершить контракт в течение двух лет.

Я чувствую, как Кори делает в голове подсчеты. Интересно, он высчитывает свою долю или *мою*? Кори получит пятнадцать процентов. Это почти тридцать четыре тысячи долларов просто за то, что на этой встрече он представляет меня в качестве агента. Половина уйдет на налоги. В результате на моем счету окажется даже меньше ста тысяч. В лучшем случае пятьдесят за год.

За предыдущие романы я получала почти в два раза меньше, но этого недостаточно, чтобы убедить меня присоединиться к такой успешной серии. Разговор становится абсолютно бессмысленным, ведь я уже знаю, что откажусь. Когда Аманда достает официальный контракт, я прочищаю горло и подаю голос.

– Я очень ценю ваше предложение, – начинаю я. И смотрю прямо на Джереми, чтобы он знал, что я говорю искренне. – Правда. Но если вы собираетесь подключить кого-то, чтобы он стал новым лицом цикла, я уверена, что найдутся другие авторы, которые подойдут для этого гораздо лучше меня.

Джереми молчит, но теперь смотрит на меня с гораздо большим любопытством. Я встаю и готовлюсь уйти. Я расстроена результатом, но еще больше расстроена тем, что мой первый день за пределами квартиры оказался настоящим бедствием в столь многих смыслах. Я готова ехать домой и принять душ.

– Я бы хотел переговорить с моей клиенткой, – заявляет Кори, быстро вставая.

Аманда кивает, тоже встает и закрывает портфель.

– Мы пойдем, – говорит она. – Условия прописаны у вас в папках. У нас на примете есть еще два писателя, если вам это не подходит, поэтому постарайтесь сообщить нам окончательное решение не позднее завтрашнего вечера.

Только Джереми продолжает сидеть за столом. За все это время он не произнес ни единого слова. Аманда наклоняется вперед, чтобы пожать мне руку.

– Если возникнут вопросы, пожалуйста, обращайтесь. Буду рада помочь.

– Спасибо, – благодарю я. Аманда и Черт Баррон выходят, но Джереми продолжает смотреть на меня. Кори переводит взгляд то на него, то на меня, дожидаясь, когда Джереми выйдет. Но вместо этого Джереми подается вперед и пристально смотрит мне в глаза.

– Можно пару слов с вами наедине? – спрашивает Джереми у меня. Он бросил взгляд на Кори, но не спрашивая разрешения – скорее предлагая тому выйти.

Кори смотрит на Джереми, растерявшись от такой наглой просьбы. Судя по тому, как Кори медленно поворачивается ко мне, прищулив глаза, он хочет, чтобы я отказала. Весь его вид говорит: *«Ты только посмотри, каков наглец!»*

Но он не знает, что я страстно желаю остаться наедине с Джереми. Я хочу, чтобы все ушли, особенно Кори, потому что у меня вдруг появилось к Джереми множество новых вопросов. Про его жену, почему они выбрали меня, почему она больше не в состоянии закончить книжную серию.

– Я не против, – сообщаю я Кори.

У него на лбу пульсирует вена, он пытается скрыть раздражение. Сжав челюсть, он сдается и наконец покидает конференц-зал.

Остаемся только мы с Джереми.

Опять.

Если считать лифт, мы в третий раз оказываемся наедине в замкнутом пространстве с тех пор, как столкнулись сегодня утром. Но я впервые чувствую столько нервной энергии. И уверена, что вся она исходит от меня. Джереми почему-то выглядит так же спокойно, как когда он помогал отмыться от крови прохожего меньше часа назад.

Джереми откидывается на спинку стула и проводит руками по лицу.

– Господи, – бормочет он, – встречи с издателями всегда такие чопорные?

Я смеюсь.

– Не знаю. Обычно я делаю это по электронной почте.

– Понимаю почему.

Он встает и берет бутылку воды. Возможно, дело в том, что теперь я сижу и он такой высокий, но я не помню, чтобы раньше я чувствовала себя в его присутствии такой маленькой. Теперь, когда я знаю, что он женат на Верити Кроуфорд, я смущаюсь еще сильнее, чем когда стояла перед ним в юбке и бюстгальтере.

Он продолжает возвышаться надо мной и опирается на столешницу, скрестив лодыжки.

– Вы как? У вас было не слишком много времени, чтобы прийти в себя после происшествия на переходе.

– Как и у вас.

– Я в порядке. – *Опять это слово.* – Уверен, у вас есть вопросы.

– Тонны, – признаю я.

– Что именно вы хотите узнать?

– Почему ваша жена не может закончить цикл?

– Она попала в автокатастрофу, – говорит он. Ответ звучит механически, словно он заставляет себя отключить эмоции.

– Простите. Я не слышала об этом. – Я ерзаю на месте, не зная, что еще сказать.

– Сначала мне не слишком понравилась идея, чтобы кто-то закончил писать книги по контракту за нее. Я надеялся, что она полностью выздоровеет. Но... – Он делает паузу. –

Вот, пожалуйста.

Теперь я понимаю, почему он так себя вел. Он казался немного замкнутым и тихим, но теперь я знаю, что эта тишина – просто скорбь. Физически осязаемая скорбь. Не знаю, в чем именно причина: в том, что случилось с его женой, или в том, о чем он рассказал мне тогда в туалете – что несколько месяцев назад погибла его дочь. Но этот человек явно чувствует здесь себя не в своей тарелке, и ему приходится принимать такие тяжелые решения, какие большинству людей не встречаются на протяжении всей жизни.

– Мне очень жаль.

Он кивает, но продолжает молчать. И возвращается на свое место, отчего у меня сразу возникают вопросы, не думает ли он, что я по-прежнему обдумываю предложение. Я не хочу больше терять его время.

– Я ценю предложение, Джереми, но, честно говоря, оно для меня не слишком комфортно. Я совсем не публичный человек. Я даже не понимаю, почему издатель вашей жены обратился первым делом ко мне.

– «Открытый финал», – говорит Джереми.

Я напрягаюсь, когда он называет одну из написанных мной книг.

– Это была одна из любимых книг Верити.

– Ваша жена читала мою книгу?

– Она говорила, вы станете следующей сенсацией. Это я посоветовал вас издателю, потому что Верити считает, что

у вас схожий стиль письма. Если кто-то должен продолжить цикл за Верити, то я хочу, чтобы это был человек, чьи работы она уважает...

Я качаю головой.

– Ого... Очень приятно, но... Я не могу.

Джереми молча наблюдает за мной, наверное удивляясь, почему я не реагирую на эту возможность, как отреагировало бы большинство писателей. Он не может меня понять. В обычной ситуации я бы гордилась, но сейчас это кажется неправильным. Я чувствую, что должна быть более открытой, хотя бы потому, что сегодня утром он оказал мне любезность. Но даже не знаю, с чего начать.

Джереми подается вперед, в его глазах сверкает любопытство. Он пристально смотрит на меня, опускает кулак на стол и встает. Я предполагаю, что встреча окончена, и тоже начинаю вставать, но Джереми направляется не к двери. Он идет к стене, увешанной наградами в рамках, и я опускаюсь обратно на стул. Он рассматривает награды, повернувшись ко мне спиной. Потом проводит пальцами по одной из них, и я понимаю, что это награда его жены. Он вздыхает и снова поворачивается ко мне.

– Вы когда-нибудь слышали о людях, которых называют *хрониками*? – спрашивает он.

Я качаю головой.

– Думаю, Верити могла придумать этот термин. Когда умерли наши дочери, она сказала, что мы хроники. У нас

хроническая предрасположенность к трагедиям. Одно ужасное происшествие следует за другим.

Несколько секунд я молча смотрю на него, осознавая услышанное. Он уже говорил, что потерял дочь, но теперь он использует множественное число.

– Дочери?

Он вздыхает. Обреченно выдыхает.

– Да. Близнецы. Мы потеряли Части́н за полгода до смерти Харпер. Было... – Ему уже не удастся абстрагироваться от собственных эмоций так же хорошо, как прежде. Он проводит рукой по лицу и снова садится на стул. – Некоторым семьям везет, и им никогда не приходится переживать трагедий. Но есть такие семьи, за которыми трагедии словно следуют по пятам. То, что может пойти не так, идет не так. И становится все хуже.

Я не знаю, зачем он мне это рассказывает, но мне все равно. Мне нравится слушать его голос, даже если слова печальны.

Он вращает на столе бутылку с водой, задумчиво на нее глядя. Создается впечатление, что он попросил остаться со мной наедине не для того, чтобы заставить меня передумать. Он просто хотел побыть один. Возможно, ему было невыносимо слушать подобные обсуждения его жены, и он хотел, чтобы все ушли. Это меня утешает – быть наедине со мной для него все равно что быть одному.

А может, он всегда чувствует себя одиноко. Как наш ста-

рый сосед, который, судя по описанию, определенно был хроником.

– Я выросла в Ричмонде, – рассказываю я. – Наш сосед потерял всех трех членов своей семьи меньше чем за два года. Его сын погиб на войне. Через полгода умерла от рака жена. А потом в автокатастрофе погибла дочь.

Джерemi перестает вращать бутылку и отодвигает ее от себя на несколько сантиметров.

– И что с ним теперь?

Я напрягаюсь. Но ожидала такого вопроса.

Дело в том, что этот человек не смог перенести потерю всех близких. Он совершил самоубийство через несколько месяцев после гибели дочери, но говорить об этом Джерemi, который по-прежнему горюет из-за смерти собственных дочерей, было бы жестоко.

– По-прежнему живет в том же городе. Но снова женился несколько лет спустя. У него несколько приемных детей и внуков.

Что-то в выражении лица Джерemi подсказывает мне, что он знает, что я лгу, но ценит это.

– Вам придется провести некоторое время в кабинете Верити, изучить ее материалы. Там хранятся черновики и заметки за много лет – а я понятия не имею, что с ними делать.

Я качаю головой. *Он что, меня совсем не слушал?*

– Джерemi, я же сказала, я не...

– Юрист вас обманывает. Скажите агенту, чтобы запро-

сил полмиллиона. Скажите, что будете работать без привлечения прессы, под псевдонимом, с железным соглашением о неразглашении. Так все, что вы пытаетесь скрыть, останется в тайне.

Я хочу сказать ему, что не пытаюсь скрыть ничего, кроме собственной неловкости, но, прежде чем я успеваю что-либо ответить, он направляется к двери.

– Мы живем в Вермонте, – продолжает он. – После подписания контракта я дам вам адрес. Можете оставаться у нас так долго, сколько понадобится, чтобы изучить ее кабинет.

Взявшись за ручку двери, он замирает. Я открываю рот, чтобы снова возразить ему, но произношу лишь одно слово – неуверенное «хорошо».

Он задерживает на мне взгляд, словно хочет сказать что-то еще. А потом тоже говорит:

– Хорошо.

Открывает дверь и выходит в коридор, где ждет Кори. Кори проскакивает мимо него обратно в конференц-зал и закрывает за собой дверь.

Я сижу, опустив взгляд на стол, сбита с толку происходящим. Почему мне предлагают столь внушительную сумму денег за работу, хотя я даже не уверена, что смогу ее сделать? Полмиллиона долларов? И я смогу писать под псевдонимом, без тура и публичных выступлений? Как так получилось, что я такого сказала?

– Он мне не нравится, – заявляет Кори, плюхаясь на

стул. – Что он тебе сказал?

– Сказал, что они предлагают слишком мало, что я должна потребовать полмиллиона и отсутствие публичности.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Кори задыхается от изумления. Берет мою бутылку воды и делает глоток.

– Черт.

Когда мне было чуть за двадцать, у меня был парень по имени Амос, который любил, когда его душили.

Из-за этого мы расстались – потому что я отказывалась его душить. Но иногда я задаюсь вопросом, что бы со мной было, если бы я удовлетворила его желание. Были бы мы сейчас женаты? Были бы у нас дети? Перешли бы мы на еще более рискованные сексуальные извращения?

Думаю, именно это тревожило меня в наших отношениях сильнее всего. Когда тебе чуть за двадцать, тебя удовлетворяет ванильный секс, и не должно возникать нужды в фетишах на столь ранней стадии отношений.

Я люблю думать об Амосе, когда меня расстраивает текущее положение дел в жизни. Глядя на розовое уведомление о выселении у Кори в руке, я напоминаю себе, что все могло быть хуже – *я могла бы по-прежнему быть с Амосом.*

Открываю дверь квартиры шире, позволяя Кори войти. Я не знала, что он собирается зайти, иначе я бы убедилась, что к моей двери не приклеено никаких уведомлений о выселении. Я получаю их уже третий день подряд. Я забираю его у Кори и сую в ящик.

Кори демонстрирует мне бутылку шампанского.

– Я думал, мы можем отметить новый контракт, – говорит он, протягивая мне бутылку. Я ценю, что он промолчал об

уведомлении. Теперь, когда на горизонте замаячил гонорар, ситуация гнетет меня гораздо меньше. Как я протяну до того момента... Даже не знаю. Возможно, удастся наскрести денег на несколько дней в отеле.

Я всегда могу заложить остатки маминых вещей.

Кори уже снял пальто и распускает галстук. Раньше это было нашей рутиной, пока не въехала моя мама. Он приходил и начинал терять предметы своего гардероба, пока мы не оказывались под одеялом в моей кровати.

Это полностью прекратилось, когда через социальные сети я узнала, что у него было несколько свиданий с девушкой по имени Ребекка. Я прекратила наши сексуальные отношения не из ревности, а из уважения к девушке, которая о них не знала.

– Как Бекка? – спрашиваю я, открывая шкаф, чтобы достать два бокала. Рука Кори замирает на галстуке, словно он шокирован, что я в курсе его любовной жизни. – Кори, я пишу романы в жанре саспенс. Не удивляйся, что я все знаю о твоей девушке.

Я не наблюдаю за его реакцией. Открываю бутылку шампанского и наполняю два бокала. Когда я поворачиваюсь, чтобы отдать один Кори, тот уже сидит за барной стойкой. Я остаюсь с другой стороны, и мы поднимаем бокалы. Но я опускаю свой прежде, чем он успевает произнести тост. Смотрю на напиток и понимаю, что выпить мы можем только за деньги.

– Это не моя серия, – говорю я. – И не мои персонажи. А писательница, благодаря которой эти книги так успешны, больна. Пить за это как-то неправильно.

Бокал Кори все еще поднят. Он пожимает плечами, выпивает шампанское залпом и протягивает бокал мне.

– Не думай о том, как ты оказалась в игре. Сосредоточься на финишной прямой.

Я закатываю глаза и ставлю его пустой бокал в раковину.

– Ты читала хоть одну ее книгу? – спрашивает он.

Я качаю головой и включаю воду. Наверное, нужно помыть посуду. Я должна покинуть квартиру через сорок восемь часов и хотела бы забрать посуду с собой.

– Нет. А ты?

Я добавляю в воду мыло и беру губку. Кори смеется.

– Нет. Она не в моем вкусе.

Я поднимаю на него взгляд, и до него доходит, что его слова звучат как обвинение и моего творчества, если учесть, что мне предложили эту работу из-за наших якобы схожих писательских стилей, по словам мужа Верити.

– Я неправильно выразился, – поправляется Кори. Встает, обходит барную стойку и останавливается рядом со мной возле раковины. Дождется, пока я закончу оттирать тарелку, забирает ее у меня и начинает ополаскивать.

– Похоже, ты еще не собрала вещи. Уже нашла новую квартиру?

– У меня есть склад, и я планирую вывезти большую часть

вещей завтра. Я подала заявку в один комплекс в Бруклине, но в ближайшие две недели у них все занято.

– Но в уведомлении сказано, что ты должна съехать в течение двух дней.

– Я в курсе.

– Так куда ты поедешь? В отель?

– Посмотрим. В воскресенье я уезжаю в дом Верити Кроуфорд. Ее муж сказал, что мне придется провести день-другой, исследуя материалы в ее кабинете, прежде чем я смогу приступить к циклу.

Сегодня утром, сразу после подписания контракта, я получила электронное письмо от Джереми с указаниями, как добраться до их дома. Я предложила приехать в воскресенье, и, к счастью, он согласился.

Кори берет у меня еще одну тарелку. Я чувствую на себе его взгляд.

– Ты будешь ночевать у них *дома*?

– А как еще мне получить ее заметки по серии?

– Пусть он пришлет их тебе по электронной почте.

– У нее там заметки и черновики больше чем за десять лет. Джереми сказал, что даже не знает, с чего начать, и будет проще, если я разберу их сама.

Кори ничего не отвечает, но я чувствую, что он прикусил язык. Провожу губкой по лезвию ножа и передаю ему.

– О чем ты думаешь? – спрашиваю я.

Он молча споласкивает нож, вставляет его в подставку,

потом хватается за край раковины и поворачивается ко мне.

– Этот человек потерял двух дочерей. Потом его жена попала в автокатастрофу. Я не уверен, что мне будет спокойно, когда ты будешь у него дома.

Внезапно вода кажется мне слишком холодной. По обеим рукам пробегают мурашки. Я выключаю воду, вытираю руки и прислоняюсь спиной к раковине.

– Хочешь сказать, он имеет к этому какое-то отношение?

Кори пожимает плечами.

– Я недостаточно хорошо знаю эту историю, чтобы *что-то* предполагать. Но тебе самой это в голову не приходило? Что это может быть небезопасно? Ты ведь их даже не знаешь.

Кое-что мне известно. Я нашла о них в интернете все, что только возможно. Их первая дочь ночевала у подруги в пятнадцати милях от дома, когда у нее случилась аллергическая реакция. Когда это произошло, ни Джереми, ни Верити рядом не было. А вторая дочь утонула в озере рядом с их домом, но когда Джереми приехал, уже шли поиски тела. Обе смерти были официально признаны несчастными случаями. Я понимаю, почему беспокоится Кори, потому что беспокоилась сама, правда. Но чем больше я узнаю, тем меньше вижу поводов для тревоги. Два трагических, не связанных между собой несчастных случая.

– А авария Верити?

– Это была случайность. Она врезалась в дерево.

Судя по выражению лица Кори, он не убежден.

– Я читал, там не было никаких следов заноса. То есть она либо заснула, либо сделала это намеренно.

– Разве можно ее винить? – Меня раздражают его безосновательные претензии. Я поворачиваюсь, чтобы домыть посуду. – Она потеряла обеих дочерей. Любой, кому пришлось пройти через такую трагедию, захочет найти выход.

Кори вытирает руки кухонным полотенцем и берет с барного стула куртку.

– Случайности или нет, эта семья явно страдает невезением и глубокими эмоциональными травмами, так что будь осторожна. Сделай дело и уезжай.

– Кори, может, тебе подумать о деталях контракта? А я займусь исследованиями и написанием книги.

Он надевает куртку.

– Просто за тебя беспокоюсь.

Беспокоится? Он знал, что у меня умирает мама, и не выходил на связь два месяца. Он обо мне не заботится. Он – мой бывший парень, который рассчитывал попасть сегодня ко мне в постель, но вместо этого получил мягкий отказ и узнал, что я буду ночевать в доме у другого мужчины. Он маскирует ревность заботой.

Я провожаю его до двери, испытываю облегчение, что он так скоро уходит. Я не виню его за желание сбежать. В этой квартире не самая приятная атмосфера с тех пор, как сюда въехала мама. Поэтому я даже не пыталась ее сохранить и не стала сообщать арендодателю, что через две недели у меня

появятся деньги.

– В любом случае, – говорит Кори, – поздравляю. Создала ты эту серию или нет, ты будешь ее продолжать благодаря своим произведениям. И должна этим гордиться.

Ненавижу, когда он начинает говорить приятные вещи в момент моего раздражения.

– Спасибо.

– Напиши мне в воскресенье, когда туда доберешься.

– Хорошо.

– И дай знать, если понадобится помощь с переездом.

– Не дам.

Он смеется.

– Ну хорошо.

Он не обнимает меня на прощание. Просто машет рукой и пятится к двери – мы никогда еще так странно не расставались. Я чувствую, что наши отношения наконец перешли в правильное русло: агент и писатель. И больше ничего.

Я могла выбрать любое другое занятие на время этой шестичасовой поездки. Могла прослушать «Богемскую рапсодию» больше шестидесяти раз. Могла позвонить старой подруге Натали и попытаться наверстать упущенное, особенно если учесть, что за последние полгода я с ней ни разу не разговаривала. Периодически мы обмениваемся сообщениями, но было бы приятно услышать ее голос. Или, возможно, я могла бы использовать это время, чтобы морально подготовиться и продумать причины, по которым я буду держаться подальше от Джереми Кроуфорда во время пребывания в его доме.

Но вместо этого всего я решила послушать аудиокнигу с первым романом серии Верити Кроуфорд.

Она только закончилась. Я так крепко вцепилась в руль, что побелели костяшки. Во рту пересохло, во время поездки я забывала пить. Мое самоуважение осталось где-то в Олбани.

Она хороша. Очень хороша.

Теперь я жалею, что подписала контракт. Я не уверена, что смогу соответствовать. Подумать только, она написала уже шесть романов, и все с точки зрения злодея. *Как в человеке может быть столько воображения?*

Возможно, остальные пять неудачные. Можно надеяться.

Тогда от последних трех книг цикла ничего особенного не ждут.

Кого я обманываю? Каждый раз, когда выходит роман Верити, он попадает на первую строчку рейтинга *«Таймс»*.

Теперь я нервничаю в два раза сильнее, чем когда уезжала с Манхэттена.

Остаток пути я провожу, готовая поджечь хвост и вернуться в Нью-Йорк, но потом снова задираю его, потому что неуверенность в себе – естественная часть писательского процесса. Во всяком случае, для меня. У меня работа над книгой всегда делится на три этапа:

- 1) Я начинаю книгу и ненавижу все, что пишу.
- 2) Продолжаю писать книгу, хотя ненавижу все, что пишу.
- 3) Заканчиваю книгу и делаю вид, что довольна.

В моем творческом процессе не бывает периодов, когда я чувствую, что завершила задуманное, или когда я верю, что написала нечто достойное всеобщего внимания. Большую часть времени я плачу под душем или пялюсь на компьютерный экран, словно зомби, задаваясь вопросом, как другие авторы могут с такой уверенностью продвигать свои книги. *«Это лучшее, что выходило в свет с момента публикации моей последней книги! Вы должны это прочитать!»*

Я – неловкий писатель, который публикует фотографию своей книги и говорит: «Это нормальная книга. В ней есть слова. Если хотите, можете прочитать».

Боюсь, конкретно этот писательский опыт окажется даже

хуже, чем я представляла. Мои книги почти никто не читает, и я не страдаю от избытка негативных отзывов. Но когда выйдет моя работа с именем Верити на обложке, ее прочтут сотни тысяч читателей с конкретными ожиданиями от книжной серии. И если я облажаюсь, Кори узнает, что я облажалась. Издатели узнают, что я облажалась. Джереми узнает, что я облажалась. И... В зависимости от ее состояния... *Верити* тоже может узнать, что я облажалась.

На встрече Джереми не уточнял, какие именно травмы получила его жена, и я понятия не имею, способна ли она общаться. В интернете очень мало информации про ту аварию, лишь несколько невнятных заметок. Вскоре после происшествия издательство опубликовало сообщение, что жизни Верити ничего не угрожает. Две недели назад оно опубликовало новое сообщение, где говорилось, что она мирно выздоравливает дома. Но ее редактор, Аманда, сказала, что они хотят сохранить подробности ее травмы в тайне от СМИ. Так что возможно, они преуменьшают информацию.

Вполне понятно, почему они хотят непременно добиться завершения цикла. Издательству невыгодно, если основной источник дохода иссякнет. И даже если мне оказали честь и предложили завершить серию, вовсе не обязательно, что я захочу оказаться в центре всеобщего внимания. Когда я начинала писать, то не преследовала цели стать знаменитой. Я мечтала о жизни, где мои книги будет покупать достаточно людей, чтобы я могла оплачивать счета, и никогда не желала

становиться богатой и знаменитой. Подобного уровня успеха достигают очень немногие писатели, и я никогда не предполагала, что такое может случиться со мной.

Я понимаю, что если мое имя появится в этом цикле, то резко возрастут продажи всех предыдущих книг, и появится гораздо больше перспектив в будущем, но Верити неимоверно успешна. Связав свое настоящее имя с серией ее книг, я обреку себя на внимание, которого боялась большую часть жизни.

Мне не нужна минута славы. Мне нужны деньги.

И я их очень жду. Я потратила почти все оставшиеся средства на аренду машины и размещение вещей на складе. Я внесла залог за квартиру, но до следующей недели она готова не будет, или, возможно, даже до следующей, а значит, та небольшая сумма, что у меня осталась, уйдет на оплату отеля, когда я уеду от Кроуфордов.

Ну и жизнь у меня. Почти бездомная, живу с чемоданом, всего полторы недели после того, как умер мой последний близкий родственник. Могло ли быть хуже?

Я могла быть замужем за Амосом, так что *всегда* могло бы быть хуже.

– Господи, Лоуэн.

Закатываю глаза из-за собственной неспособности осознать, сколько писателей готовы убить за подобную возможность, а я сижу и думаю, что достигла самого дна.

Прежде всего, это неблагодарность.

Пора прекратить смотреть на жизнь сквозь стекла очковой моей матери. Когда я получу аванс за романы, все начнет налаживаться. Мне больше не придется скитаться между квартирами.

Я повернула к дому Кроуфордов несколько миль назад. Навигатор ведет меня по длинной, извилистой дороге, вдоль которой растут цветущие кусты кизила и стоят дома, которые становятся все больше и отдаленнее друг от друга.

Когда я наконец добираюсь до места, я паркую машину на стоянке и замираю, любуясь входом. Две высокие кирпичные колонны возвышаются по обеим сторонам от подъездной дороги, которая кажется бесконечной. Я вытягиваю шею, пытаюсь определить ее длину, но темный асфальт извивается среди деревьев. Где-то там стоит дом, а внутри этого дома лежит Верити Кроуфорд. Интересно, знает ли она, что я приеду. Ладони начинают потеть, я отрываю их от руля и подношу в решетке вентиляции, чтобы высушить.

Въездные ворота открыты нараспашку, я нажимаю педаль газа и медленно проезжаю мимо прочного кованого железа. Твержу себе, что бояться нечего, даже когда замечаю, что повторяющийся орнамент на железных воротах напоминает паутину. Дрожа от волнения, еду по извилистой дороге, деревья становятся все гуще и выше, и наконец впереди появляется дом. Забираясь на холм, сначала я замечаю крышу: синевато-серую, как свинцовая грозовая туча. Через несколько секунд показывается остальная часть дома, и у меня пе-

рехватывает дыхание. Передняя часть дома облицована темным камнем, и лишь кроваво-красная дверь ярким пятном выделяется в этом сером море. Левая сторона дома заросла плющом, но выглядит это не очаровательно, а угрожающе, словно медленно растущая опухоль.

Вспоминаю квартиру, которую я оставила позади: заляпанные стены и крохотная кухонька с оливково-зеленым холодильником семидесятых годов. Возможно, вся моя квартира уместится в прихожей этого монстра. Моя мама говорила, что у домов есть души, и если это правда, душа дома Верити Кроуфорд темна.

На фотографиях со спутников дом производил совсем иное впечатление. *Перед приездом я отследила дом в интернете.* Если верить информации на сайте риелтора, они купили дом пять лет назад за два с половиной миллиона. Теперь он стоит больше трех.

Дом непомерно громаден и уединен, но в нем не чувствуется типичной для домов такого масштаба официальности. Стены здесь не излучают превосходства.

Останавливаюсь на краю дороги, пытаюсь понять, где можно припарковаться. Подстриженная лужайка с сочной зеленой травой занимает минимум полтора гектара. Озеро за домом простирается с одного края участка до другого. Зеленые горы на заднем плане смотрятся так живописно и красиво, что сложно поверить в ужасную трагедию, которую пришлось пережить владельцам.

Облегченно выдыхаю, заметив асфальтовую стоянку рядом с гаражом. Паркую машину и глушу мотор.

Моя машина вообще не подходит этому дому. Ругаю себя, что выбрала самую дешевую из возможных. *Тридцать баксов в день*. Интересно, сидела ли когда-нибудь Верити в «Киа-Соул». В статье об аварии написали, что она была за рулем «Рендж-Ровера».

Тянусь к телефону, лежащему на пассажирском сиденье, — хочу написать сообщение Кори, что добралась. Положив руку на ручку водительской двери, я замираю и вжимаюсь в сиденье. Потом поворачиваюсь к окну.

— Черт!

Какого хрена?

Шлепаю себя по груди, чтобы убедиться, что сердце по-прежнему бьется: через окно машины на меня уставилось чье-то лицо. Потом понимаю, что это всего лишь ребенок, и закрываю рот рукой, надеясь, что он не услышал доброй порции ругательств. Он не смеется. Просто смотрит, и это еще страшнее, чем если бы он напугал меня намеренно.

Он — миниатюрная версия Джереми. Тот же рот, те же зеленые глаза. В одной из статей я читала, что у Верити и Джереми было трое детей. Должно быть, это их маленький сын.

Открываю дверь, и он отступает назад, когда я выхожу из машины.

— Привет.

Ребенок не отвечает.

– Ты здесь живешь?

– Да.

Смотрю на дом у него за спиной, задаваясь вопросом, каково ребенку расти в таком месте.

– Должно быть, здорово, – бормочу я.

– Было раньше, – он поворачивается и идет к входной двери. Мне сразу становится его жалко. Боюсь, я не слишком хорошо осознала ситуацию, в которой оказалась эта семья. Этот маленький мальчик, которому не больше пяти лет, потерял обеих сестер. Кто знает, как сказалось такое горе на его матери? По Джереми случившееся заметно невооруженным взглядом.

Оставив чемодан в машине, я иду за маленьким мальчиком. Нас разделяет всего несколько метров, когда он открывает дверь и заходит в дом, а потом закрывает ее прямо у меня перед носом.

Несколько секунд я жду, предположив, что это шутка. Но потом вижу сквозь матовое стекло, как он уходит в глубь дома, даже не думая меня впускать.

Я не хочу называть его придурком. Он маленький ребенок, и ему пришлось через многое пройти. *Но я предполагаю, что он может быть придурком.*

Звоню в дверной звонок и жду.

И жду.

И жду.

Снова звоню в звонок, но ответа нет. Джереми прислал

мне в электронном письме контактную информацию, поэтому я ищу его номер и набираю сообщение. *«Это Лоуэн. Я у входной двери».*

Отправляю сообщение и опять жду.

Несколько секунд спустя я слышу, как кто-то спускается по лестнице. И вижу сквозь матовое стекло, как вырастает силуэт Джереми, который подходит к двери. Но прежде чем открыть ее, он замирает, словно делает вдох. Не знаю почему, но эта пауза убеждает, что ситуация нервирует не только меня.

Как ни странно, его вероятное волнение меня успокаивает. Я думала, это работает иначе.

Он открывает дверь, и хотя это все тот же человек, которого я встретила несколько дней назад, он... Другой. Ни галстука, ни костюма, ни атмосферы загадочности. Он в тренировочных штанах и синей футболке. Без обуви, только в носках.

– Привет.

Мне не нравится, как у меня екнуло сердце. Пытаюсь не обращать внимания и улыбаюсь ему.

– Привет.

Он бросает на меня короткий взгляд и отходит в сторону, открывая дверь еще шире и жестом приглашая меня войти.

– Прости, я был наверху. Я сказал Крю открыть дверь. Видимо, он не услышал.

Я захожу в прихожую.

– Ты с чемоданом? – спрашивает Джереми.

Поворачиваюсь к нему.

– Да, он на заднем сиденье, но я могу забрать его потом.

– Машина открыта?

Киваю.

– Сейчас вернусь.

Он залезает в пару ботинок, стоящих возле двери, и выходит на улицу. Я медленно поворачиваюсь вокруг, разглядывая обстановку. Не слишком отличается от фотографий, которые я видела в интернете. Ощущение странное, ведь я уже видела каждую комнату этого дома благодаря сайту риелторов. Я уже ориентируюсь в этом доме, хотя зашла внутрь всего на несколько шагов.

Справа кухня, а слева гостиная. Они разделены коридором с лестницей на второй этаж. На фотографиях на кухне стоял гарнитур из темно-вишневого дерева, но там сделали ремонт и убрали все старые шкафы, заменив их преимущественно полками и несколькими шкафами более светлого оттенка.

Там две духовки и холодильник со стеклянной дверью. Я по-прежнему рассматриваю кухню, когда с лестницы вприпрыжку спускается маленький мальчик. Он пробегает мимо меня, открывает холодильник и достает бутылку «Доктора Пеппера». Я наблюдаю, как он пытается открутить крышку.

– Тебе помочь? – спрашиваю я.

– Да, пожалуйста, – отвечает он, глядя на меня большими

ми зелеными глазами. *Как я вообще могла подумать, что он придурок?* У него такой нежный голос и маленькие ручки, что они даже неспособны открыть газировку. Я беру у него бутылку и с легкостью откручиваю крышку. В тот момент, когда я протягиваю бутылку обратно Крю, открывается входная дверь.

Джереми строго смотрит на Крю.

– Я же сказал, никакой газировки.

Оставив мой чемодан возле стены, он подходит к Крю и вырывает бутылку у него из рук.

– Иди, готовься мыться. Я приду через минуту.

Крю обреченно запрокидывает голову и направляется обратно к лестнице.

Джереми поднимает бровь.

– Никогда не верь этому ребенку. Он умнее, чем мы оба, вместе взятые, – сделав глоток газировки, он возвращает бутылку в холодильник. – Хочешь чего-нибудь попить?

– Нет, спасибо.

Джереми берет мой чемодан и несет по коридору.

– Надеюсь, это не покажется тебе слишком странным, но я размещу тебя в хозяйской спальне. Мы все сейчас спим наверху, и я подумал, так будет проще, потому что это ближайшая комната к кабинету Верити.

– Я даже не уверена, что останусь на ночь, – говорю я, следуя за ним по коридору. У меня жутковатые ощущения от этого места, и хорошо было бы забрать все необходимое и

найти отель. — Я планировала осмотреть ее кабинет и вникнуть в ситуацию.

Джереми смеется, открывая дверь в спальню.

— Поверь, тебе понадобится минимум два дня. Возможно, и больше.

Он опускает чемодан на сундук возле кровати, потом открывает шкаф и показывает на свободное пространство.

— Я освободил место на случай, если тебе понадобится что-нибудь повесить, — потом показывает на ванную комнату. — Ванная полностью в твоём распоряжении. Я не знаю, есть ли там туалетные принадлежности, поэтому если что-то понадобится, скажи. Уверен, у нас это есть.

— Спасибо.

Я осматриваю комнату. Ощущения очень странные. Особенно если учесть, что я буду спать в их кровати. Взгляд падает на спинку — а именно на следы зубов на верхнем краю спинки кровати, прямо по центру. Я поспешно отвожу взгляд, прежде чем Джереми успеет его поймать. По моему выражению он может понять, что я размышляю, кому из них приходилось кусать спинку кровати, чтобы сдерживать крики во время секса. *Был ли у меня когда-нибудь такой страстный секс?*

— Хочешь побыть одна или пойдешь посмотришь дом? — спрашивает Джереми.

— Я в порядке, — уверяю я, направляясь следом за ним. Он выходит в коридор, но я медлю, глядя на дверь спальни. —

Тут есть замок?

Он возвращается в комнату, глядя на дверную ручку.

– Сомневаюсь, что мы ее хоть когда-то заперли, – он трясет ручку. – Уверен, я найду замок, если тебе это важно.

Я не спала в спальне без замка с тех пор, как мне было десять. Я готова *умолять* его найти замок, но при этом не хочу доставлять еще большие неудобства.

– Нет, все нормально.

Он отпускает дверь, но, прежде чем выйти в коридор, спрашивает:

– Сейчас я отведу тебя наверх. Ты уже придумала, под каким псевдонимом будешь писать для цикла?

Я не думала об этом с тех пор, как узнала, что «Пантем» согласился на требования, которые мне посоветовал выдвигать Джереми.

Пожимаю плечами.

– Еще толком не думала.

– Я хочу представить тебя сиделке Верити под псевдонимом, на случай если ты не хочешь, чтобы твое настоящее имя связали с этим циклом.

У нее такие сильные травмы, что ей нужна сиделка?

– Хорошо. Пусть будет...

Я не представляю, какое выбрать имя.

– На какой ты выросла улице? – спрашивает Джереми.

– Лора-Лейн.

– Как звали твоего первого питомца?

– Чейз. Он был йоркширским терьером.

– Лора Чейз, – объявляет он. – Мне нравится.

Я наклоняю голову, узнав вопросы из шутливого теста на Фейсбуке¹.

– Разве не так определяют псевдонимы для участия в порно?

Он смеется.

– Псевдоним для порноактера, псевдоним для писателя. Принцип один, – движением руки он предлагает следовать за ним. – Пойдем, сначала познакомишься с Верити, а потом я отведу тебя в ее кабинет.

Джереми поднимается по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Сразу возле кухни лифт, явно установленный совсем недавно. Должно быть, Верити теперь передвигается в инвалидной коляске. *Господи, бедняжка.*

Джереми дожидается, пока я поднимусь на второй этаж. Коридор делится на две части – три двери с одной стороны и две с другой. Джереми поворачивает налево.

– Это комната Крю, – поясняет он, показывая на первую комнату. – Я сплю здесь, – он показывает на соседнюю дверь.

Напротив этих двух комнат еще одна дверь. Она закрыта, Джереми тихо стучит и открывает ее.

Сама не знаю, чего я ожидала, но точно не этого.

Она лежит на спине, глядя в потолок, светлые волосы рас-

¹ Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

сыпаны по подушке. Сиделка в голубом костюме сидит в изножье кровати и надевает ей на ноги носки. Крю лежит рядом с Верити на кровати, у него в руках айпад. У Верити пустой, равнодушный к окружающему миру взгляд. Она не замечает сиделки. Не замечает меня. Крю. Джереми, который наклоняется к ней и убирает волосы со лба. Она моргает, и больше ничего. словно она не понимает, что мужчина, от которого она родила троих детей, проявляет к ней нежность. Я пытаюсь скрыть мурашки на своих руках.

Сиделка обращается к Джереми.

– Она казалась усталой, и сегодня я решила уложить ее пораньше.

Она накрывает Верити одеялом.

Джереми идет к окну и закрывает занавески.

– Она приняла таблетки?

Сиделка приподнимает ноги Верити и заправляет под них одеяло.

– Да, до полуночи ничего делать не нужно.

Сиделка старше Джереми, на вид ей около пятидесяти пяти. У нее короткие рыжие волосы. Она смотрит на меня, потом снова на Джереми, дожидаясь, пока нас представят.

Джереми трясет головой, словно он вообще забыл о моем присутствии. Он смотрит на сиделку и машет в мою сторону рукой.

– Это Лора Чейз, писательница, о которой я вам рассказывал. Лора, это Эйприл, сиделка Верити.

Я жму руку Эйприл и чувствую ее оценивающий взгляд. Она осматривает меня с головы до ног.

– Я думала, вы будете старше, – заявляет она.

Что вообще можно на это ответить? Вместе со взглядом ее комментариев звучит как укол. Или упрек. Не обращающая внимания, я улыбаюсь.

– Приятно познакомиться, Эйприл.

– Взаимно.

Она берет с комода сумочку и поворачивается к Джереми.

– Увидимся утром. Ночью проблем возникнуть не должно.

Потом наклоняется, чтобы пощекотать Крю. Тот хихикает и отползает в сторону. Я отодвигаюсь, выпуская Эйприл из комнаты.

Бросаю взгляд на кровать. Глаза Верити по-прежнему открыты и смотрят в никуда. Я не уверена, что она вообще осознает, что ушла ее сиделка. *Она вообще осознает хоть что-нибудь?* Я ужасно сочувствую Крю. И Джереми. И Верити.

Не уверена, что хотела бы жить в таком состоянии. И знать при этом, что ко мне привязан Джереми... Здесь все такое гнетущее. Этот дом, прошлые трагедии этой семьи и ее нынешняя борьба.

– Крю, не испытывай мое терпение. Я сказал тебе идти мыться.

Крю смотрит на Джереми и улыбается, но с кровати не слезает.

– Считаю до трех.

Крю откладывает айпад в сторону, но продолжает игнорировать Джереми.

– Три... Два...

И наконец, на счет один, Джереми бросается на Крю, хватая его за ноги и поднимает в воздух.

– Ну все, время висеть вниз головой!

Крю хохочет и извивается.

– Только не это!

Джереми оборачивается ко мне.

– Лора, сколько секунд дети могут висеть вниз головой, пока у них не перевернется мозг и они не начнут разговаривать задом наперед?

Я смеюсь.

– Я слышала, двадцать. Но возможно, и пятнадцать секунд.

Крю кричит:

– Нет, папочка, я пойду мыться! Я не хочу, чтобы у меня перевернулся мозг!

– А уши почистишь? Потому что они явно плохо слышали, когда я просил тебя отправляться в душ.

– Клянусь!

Джереми закидывает его на плечо и переворачивает обратно, прежде чем опустить на пол. Ерошит сыну волосы и командует:

– Вперед!

Я наблюдаю, как Крю торопится к двери и по коридору, в свою комнату. Теперь, когда я понаблюдала, как Джереми общается с Крю, дом кажется чуть более гостеприимным.

– Он милый. Сколько ему лет?

– Пять, – говорит Джереми.

Он наклоняется к больничной кровати Верити и немного ее приподнимает. Потом берет со столика возле ее кровати пульт и включает телевизор.

Мы выходим из спальни, и он прикрывает за собой дверь. Я стою посреди коридора, и он поворачивается ко мне. Прячет руки в карманы своих серых штанов. Судя по его поведению, он хочет сказать мне что-то еще – объяснить подробности. Но он молчит. Вздыхает и смотрит на комнату Верити.

– Крю боялся спать здесь один. Он перенес все стойко, но по ночам ему тяжело. Он хотел быть поближе к ней, но ему не нравится спать внизу. Я решил, ему будет легче, если мы все переедем сюда, – Джереми идет обратно по коридору. – А значит, по ночам весь первый этаж в твоём распоряжении, – он выключает в коридоре свет. – Показать тебе ее кабинет?

– Конечно.

Когда я захожу в комнату, у меня возникает ощущение, что я залезла в ящик с нижним бельем Верити. Все пространство с пола до потолка занимают полки, забитые книгами. Вдоль стен стоят коробки с бумагами. Рабочий стол... *Господи*, ее стол. Он простирается с одного конца комнаты

до другого, вдоль стены с огромными окнами, выходящими на задний двор. И каждый сантиметр стола покрыт стопками бумаг.

– Она не слишком организованный человек, – поясняет Джереми.

Я улыбаюсь, чувствуя родство с Верити.

– Как и большинство писателей.

– Понадобится немало времени. Я бы попытался разобраться сам, но для меня это китайская грамота.

Я подхожу к ближайшей полке и провожу рукой по книгам. Это зарубежные издания ее работ. Беру немецкое издание и рассматриваю.

– У нее есть ноутбук и стационарный компьютер, – рассказывает Джереми. – Я написал пароли на самоклеящейся бумажке. – Он берет ноутбук, лежащий возле компьютера. – Она постоянно делала заметки. Записывала свои мысли. Писала идеи на салфетках. Записывала диалоги в душе, в водонепроницаемом блокноте. – Джереми кладет ноутбук обратно на стол. – Однажды она использовала маркер, чтобы записать имена персонажей на подгузнике Крю. Мы были в зоопарке, и у нее не было с собой блокнота.

Он медленно обходит ее кабинет по кругу, словно не заходил сюда какое-то время.

– Весь мир был ее манускриптом. Каждая поверхность могла быть использована.

У меня внутри все теплеет – кажется, он ценил твор-

ческий процесс жены. Я оборачиваюсь вокруг собственной оси, еще раз все осматривая.

– Я понятия не имела, во что ввязываюсь.

– Я не хотел смеяться, когда ты сказала, что, возможно, тебе не понадобится оставаться на ночь. Но, честно говоря, это может занять больше, чем два дня. В таком случае можешь оставаться, сколько понадобится. Лучше ты побудешь подольше и убедишься, что у тебя есть все необходимые материалы, чем вернешься в Нью-Йорк недостаточно подготовленной.

Я смотрю на полки, где стоит серия, которую мне предстоит закончить. Всего должно быть девять книг. Шесть уже опубликованы, осталось дописать три. Цикл называется «Благородные добродетели», и каждая книга посвящена отдельной добродетели. Мне остались Отвага, Правда и Честь.

Все шесть книг стоят на полках, и я с облегчением вижу дополнительные экземпляры. Беру с полки второй роман и пролистываю страницы.

– Уже прочитала серию? – спрашивает Джереми.

Качаю головой, не желая признаваться, что слушала аудиокнигу. Он может начать задавать вопросы.

– Еще нет. Не было времени между подписанием контракта и поездкой сюда. – Ставлю книгу обратно на полку. – Какая твоя любимая?

– Я тоже ни одной не читал. С тех пор, как она написала первую книгу.

Я поворачиваюсь к нему.

– Правда?

– Мне не нравилось быть в ее голове.

Сдерживаю улыбку – сейчас он немного напоминает мне Кори. Неспособностью отделить созданный его женой мир от того, в котором она живет. Но Джереми хотя бы кажется чуть более сознательным, чем когда-либо был Кори.

Осматриваю комнату в легком смятении – не знаю точно, из-за присутствия Джереми или из-за беспорядка, который мне придется разбирать.

– Даже не знаю, с чего начать.

– Да, больше не буду мешать, – Джереми указывает на дверь. – Пойду посмотрю, как там Крю. Чувствуй себя как дома. Еда... Напитки... Все в твоём распоряжении.

– Спасибо.

Джереми закрывает за собой дверь, и я сажусь за рабочий стол Верити. Вероятно, одно ее рабочее кресло стоит дороже, чем месячная плата за аренду моей квартиры. Интересно, насколько легче писать тому, у кого есть деньги на вещи, которые я всегда мечтала иметь в своем распоряжении для рабочего процесса. Удобная мебель, дополнительный компьютер, возможность вызвать себе массажистку. Наверное, так писать гораздо проще и стресса гораздо меньше. У меня же есть ноутбук с недостающей клавишей и доступ в интернет, когда соседи забывают поставить пароль на Wi-Fi. Я сижу на старом обеденном стуле за складным пластиковым

столиком, заказанным на «Амазоне» за двадцать пять баксов.

Большую часть времени у меня даже нет денег на чернила для принтера и бумагу.

Думаю, провести несколько дней в ее кабинете – единственный способ проверить мою теорию. Чем ты богаче, тем богаче и твое воображение.

Беру с полки вторую книгу цикла. Открываю ее – просто взглянуть. Посмотреть, как она продолжила повествование после предыдущей, первой.

И погружаюсь в безотрывное чтение на три часа.

Я даже ни разу не двинулась с места. Глава за главой наполнены интригами и мерзкими персонажами. *Действительно* мерзкими персонажами. Мне понадобится какое-то время, чтобы настроиться на такой образ мыслей. Неудивительно, что Джереми не читает ее работы. Все книги написаны с точки зрения злодея, и для меня это в новинку. Действительно следовало прочесть все эти книги до приезда.

Встаю, чтобы размять спину, хотя на самом деле она даже не болит; рабочее кресло Верити – самая удобная мебель, на которой мне приходилось сидеть в своей жизни.

Оглядываюсь вокруг, раздумывая, с чего начать – с компьютера или с распечатанных документов.

Принимаю решение изучить рабочий стол на компьютере. Просматриваю несколько файлов в «Ворде» – похоже, она предпочитает эту программу. Все они относятся к уже напи-

санным книгам. И не особо меня интересуют. Я хочу найти наброски еще не написанных книг. Большинство файлов на ноутбуке дублируют файлы на компьютере.

Возможно, Верити из тех, кто пишет черновики от руки. Я перехожу к коробкам, стоящим вдоль задней стены, рядом с кладовкой. Их покрывает тонкий слой пыли. Просматриваю несколько коробок, доставая рукописи разных стадий писательского процесса, но все они относятся к уже написанным книгам серии. Никаких намеков на то, что она собиралась писать дальше.

Я просматриваю содержимое шестой коробки, когда на-тыкаюсь на незнакомый заголовок. Рукопись называется «Так тому и быть».

Пролистываю первые несколько страниц, надеясь, что мне повезло и это черновик седьмой книги. Но почти сразу понимаю: нет. Кажется, это... *Личное*. Возвращаюсь к первой странице первой главы и читаю первую строчку.

Иногда я вспоминаю тот вечер, когда встретила Джереми, и задаюсь вопросом – если бы мы не встретились взглядами, моя жизнь в итоге все равно бы оказалась такой же?

Увидев имя Джереми, просматриваю страницу дальше. *Это автобиография.*

Совсем не то, что я ищу. Издательство платит мне не за автобиографию, поэтому нужно просто двигаться дальше. Но я оборачиваюсь через плечо и убеждаюсь, что дверь закрыта, потому что мне любопытно. К тому же такое чтение

тоже можно отнести к исследовательской работе. Я должна понять образ мыслей Верити, чтобы понять ее как писателя. *Во всяком случае, это мое оправдание.*

Несу рукопись на диван, устраиваюсь поудобнее и начинаю читать.

Так тому и быть

Верити Кроуфорд

Примечание автора:

Больше всего в автобиографиях я ненавижу лицемерие, прикрывающее каждое предложение. Писатель не смеет писать о себе, если не готов отключить каждый уровень защиты между книгой и собственной душой. Слова должны исходить прямо из утробы, прорываться сквозь плоть и кровь. Уродливые, честные, кровавые и немного жуткие, но совершенно искренние. Автобиография, побуждающая читателя проникнуться к автору симпатией, — не настоящая автобиография. Никто не симпатичен с изнанки. После прочтения автобиографии к автору должна возникнуть в лучшем случае неприязнь.

И я с этим справлюсь.

То, что вы читаете, будет порой столь ужасно на вкус, что вам захочется выплюнуть, но вы проглотите эти слова, и они станут вашей частью, частью *вашей* утробы, они вас поранят.

Но... Даже с моим великодушным предупреждением... Вы продолжите поглощать мои слова, потому что вы здесь.

Живые.

Любопытные.

Продолжайте.

Глава первая

**Найди то, что любишь,
и позволь этому тебя убить.**

Чарльз Буковски

Иногда я вспоминаю тот вечер, когда встретила Джереми, и задаюсь вопросом – если бы мы не встретились взглядами, моя жизнь в итоге все равно бы оказалась такой же? Было ли мне с самого начала предопределено страдать от такого трагического конца? Или трагический конец – скорее результат неудачного выбора, а не прихоть судьбы?

Конечно, моего трагического конца еще не случилось, иначе я бы не смогла рассказать, что к нему привело. Тем не менее он близится. Я чувствую это, как чувствовала смерть Части́н. И так же, как я приняла ее судьбу, я приму и собственную.

Нельзя сказать, что до встречи с Джереми я была потеряна, но я точно плохо себя осознавала до момента, когда его взгляд остановился на мне.

У меня уже были парни. И даже связи на одну ночь. Но до того момента мне и в голову не приходило представлять с кем-то совместную жизнь. Когда я увидела его, то сразу представила нашу первую ночь, нашу свадьбу, наш медовый месяц, наших детей.

До того момента идея любви всегда казалась мне очень

синтетической. Ухищрение фирм, выпускающих открытки. Маркетинговый ход жадных компаний. Любовь меня не интересовала. Моей единственной задачей в тот вечер было напиться бесплатного алкоголя и найти богатого спонсора, чтобы трахаться. Я была уже на полпути, выпив три «Московских мула». И, судя по взгляду Джереми Кроуфорда, я собиралась покинуть ту вечеринку с триумфом. Он выглядел богатым – в конце концов, это был благотворительный вечер. Бедные люди не посещают благотворительных вечеров, если только не *прислуживают* богатым.

Исключая присутствующих.

Он разговаривал с компанией других мужчин, но каждый раз, когда он смотрел в моем направлении, у меня возникало чувство, что мы одни. И он то и дело мне улыбался. Еще бы. В тот вечер на мне было то красное платье, которое я украдала в «Мейсис». *Не судите меня. Я была голодным художником, а оно стоило неприлично дорого.* Я собиралась возместить кражу, когда появятся деньги. Пожертвовать на благотворительность или спасти ребенка – что-нибудь вроде того. В грехах хорошо то, что их не обязательно искупать моментально, а то красное платье сидело на мне слишком идеально, чтобы его упустить.

Это было платье для секса. Из тех, что мужчина может с легкостью отодвинуть, когда хочет оказаться у тебя между ног. Женщины нередко совершают ошибку, выбирая платье для подобных вечеров, – они не рассматривают их с точ-

ки зрения мужчин. Женщина хочет, чтобы хорошо смотрелась ее грудь, чтобы обтягивалась фигура. Даже если придется пожертвовать комфортом и носить вещи, которые невозможно снять. Но когда на платье смотрят *мужчины*, они не восхищаются тем, как оно облегает бедра, подчеркивает талию или красиво застегивается сзади. Они примеряются, насколько легко его будет снять. Сможет ли он забраться рукой ей под юбку, когда они будут рядом сидеть за столом? Сможет ли он оттрахать ее в машине без неловкой возни с молниями? Сможет ли оттрахать ее в ванной, не снимая одежды?

Ответами на мое украденное красное платье были да, да и, *черт возьми*, да.

Я понимала, что, пока я в таком платье, он не сможет покинуть вечеринку, не подойдя ко мне. И решила больше не обращать на него внимания. Создать впечатление безысходности. Я была не мышью, а сыром. И собиралась ждать, пока он не подойдет.

И через какое-то время он подошел. Я стояла у бара, спиной к нему, когда он положил руку мне на плечо, наклонился вперед и жестом подозвал бармена. В тот момент Джереми на меня не смотрел. Просто держал руку у меня на плече, словно заявляя о своих правах. Подошел бармен, я зачарованно наблюдала. Джереми кивнул в мою сторону и сказал: – Пожалуйста, остаток вечера подавайте ей только воду. Этого я не ожидала. Я повернулась, положив руку на стой-

ку, и посмотрела ему в лицо. Он убрал руку с моего плеча, но сначала слегка провел пальцами вниз, до самого локтя. Меня будто током ударило, нахлынула волна гнева.

– Я прекрасно способна сама решить, сколько мне следует выпить.

Джереми ухмыльнулся, и хотя меня взбесило превосходство, скрывающееся за этой ухмылкой, он был хорош.

– Уверен, что так.

– Я выпила за вечер всего три коктейля.

– Хорошо.

Я выпрямилась и снова подозвала бармена.

– Еще одного «Московского мула», пожалуйста.

Бармен посмотрел на меня, потом на Джереми. Потом снова на меня.

– Простите, мэм. Но мне сказали подавать вам воду.

Я закатила глаза.

– Я *слышала*, как он просил вас подавать мне воду, я стояла прямо, не двигаясь. Но я не знаю этого мужчину, а он не знает меня, и я хочу заказать еще одного «Московского мула».

– Она будет воду, – повторил Джереми.

Он определенно мне нравился, но его привлекательность быстро таяла из-за шовинистского поведения. Бармен поднял руки и заявил:

– Я не хочу принимать в этом участие. Если вы хотите выпить, идите и закажите в том баре, – он показал на бар

напротив.

Я взяла сумочку, высоко подняла подбородок и направилась прочь. В другом баре я нашла стул и стала дожидаться, пока бармен обслужит клиента. Тем временем снова появился Джереми, на этот раз он положил на стойку локоть.

– Ты даже не дала мне шанса объяснить, почему я попросил подавать тебе воду.

Я посмотрела на него, запрокинув голову.

– Прости, я не знала, что должна уделить тебе время.

Он рассмеялся, повернулся к стойке спиной, склонил голову набок и ухмыльнулся.

– Я наблюдаю за тобой с тех пор, как сюда вошел. За сорок пять минут ты выпила три коктейля, и если продолжишь в том же духе, мне будет неудобно просить тебя уйти со мной. Я бы предпочел, чтобы ты сделала этот выбор в трезвом виде.

Его голос звучал так, словно его горло было покрыто медом. Я пристально смотрела ему в глаза, пытаюсь понять, притворяется он или нет. Может ли такой красивый и предположительно богатый мужчина быть *еще и* тактичным? Несмотря на очевидную дерзость, меня привлек этот мужчина.

Как раз вовремя подошел бармен.

– Что желаете?

Я выпрямилась, отведя взгляд от Джереми.

– Я буду воду.

– Две воды, – сказал Джереми.

И все было решено.

С того вечера прошло много лет, и вспомнить все подробности сложно, но я помню, что с первых мгновений меня тянуло к нему, как прежде не тянуло ни к кому из мужчин. Мне нравился звук его голоса. Нравилась его уверенность. Нравились его идеальные белые зубы. Нравилась щетина на его подбородке. Идеальная длина, чтобы царапать мои бедра. Возможно, даже оставить шрам, если он пробудет там достаточно долго.

Мне нравилось, что он не боялся трогать меня, пока мы говорили, и от каждого прикосновения его пальцев у меня покалывало кожу.

Когда мы допили воду, Джереми повел меня к выходу, положив руку на талию, лаская пальцами мое платье.

Мы подошли к его лимузину, он открыл передо мной заднюю дверь, и я залезла внутрь. Он сел напротив, а не рядом. В машине пахло цветами, но я знала, что это духи. И они мне вполне понравились, хотя и означали, что в лимузине побывала другая женщина. Взгляд упал на полупустую бутылку шампанского и два бокала – на одном виднелись следы красной помады.

Кто она? И почему он уезжает со мной, а не с ней?

Я не стала задавать эти вопросы вслух, потому что он уезжал со мной. И значение имело лишь это.

Несколько минут мы сидели молча, с нетерпением глядя

друг на друга. В тот момент он понял, что получил меня, и почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы потянуться вперед, поднять мою ногу и поставить на соседнее с собой сиденье. Он оставил ладонь на моей лодыжке, ласкал ее и наблюдал, как поднимается и опускается моя грудь в ответ на его прикосновения.

– Сколько тебе лет? – спросил он. Вопрос насторожил меня, потому что он выглядел лет на тридцать. Я боялась отпугнуть его правдой и поэтому наврала – сказала, мне двадцать пять.

– Выглядишь моложе.

Он знал, что я лгу. Я сбросила с ноги туфлю и провела пальцами по его ноге.

– Двадцать два.

Джереми рассмеялся и сказал:

– Ты лгунья, да?

– Я подгоняю факты, когда это требуется. Я писатель.

Его рука передвинулась выше.

– А тебе сколько лет?

– Двадцать четыре, – сказал он с той же искренностью, что и я.

– Значит... Двадцать восемь?

Он улыбнулся.

– Двадцать семь.

Его рука уже лежала на моем колене. И я хотела, чтобы она сдвинулась еще выше. На бедро, потом между ног, чтобы

исследовать меня изнутри. Я хотела его, но не здесь. Я хотела *поехать* с ним, увидеть, где он живет, оценить удобство его кровати, вдохнуть аромат постельного белья, попробовать на вкус его кожу.

– Где твой водитель? – спросила я.

Джереми бросил взгляд назад, на переднюю часть лимузина.

– Понятия не имею, – ответил он, снова повернувшись ко мне. – Это не мой лимузин.

Вид у него при этом был озорной, и я не могла точно определить, ложь это или правда.

Я прищурилась, пытаясь понять, действительно ли этот тип привел меня в лимузин, который ему даже не принадлежит.

– Тогда *чей* это лимузин?

Джереми отвел взгляд и теперь смотрел на свою руку, которая рисовала круги на моем колене.

– Не знаю.

Я думала, моя страсть угаснет при осознании, что он может *не быть* богатым, но вместо этого его признание вызвало у меня улыбку.

– Я простой рабочий, – признался он. – Приехал сюда за рулем своей машины. «Хонды-Сивик». И припарковал ее сам, потому что я слишком беден, чтобы платить десять баксов лакею.

Я сама удивилась, насколько меня восхитило, что он при-

вел меня в лимузин, который ему даже не принадлежал. Он не был богат. Он не был богат, *но я все равно хотела с ним переспать.*

– Я работаю уборщицей в офисных зданиях, – призналась я. – Я вытащила приглашение на эту вечеринку из мусорной корзины. Я здесь не должна была оказаться.

Он улыбнулся, и мне еще никогда так не хотелось попробовать улыбку на вкус.

– А ты находчивая, верно? – спросил он. Его рука скользнула под мое колено, и он притянул меня к себе. Я пересела к нему на колени, ведь именно для этого нужны платья вроде того, что было на мне. Я почувствовала, как он твердеет у меня между ног. Он положил мне на нижнюю губу палец. Я провела по подушечке языком, и он резко вздохнул. Не застонал. Не охнул. Он *вздохнул*, и это было самым сексуальным, что я когда-либо ощущала.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Верити.

– Верити. *Верити*. Очень красиво.

Не сводя взгляда с моих губ, он уже собирался наклониться и поцеловать меня, но я отодвинулась.

– А тебя?

Он посмотрел мне в глаза.

– Джереми.

Он произнес имя быстро, словно не желая терять время на эту неуместную помеху для нашего поцелуя. Как только это

слово сорвалось с его губ, они коснулись моих, и в этот момент у нас над головами загорелся свет и мы замерли, прижимаясь друг другу губами и напрягшись — кто-то залез на водительское сиденье лимузина.

— Черт, — прошептал Джереми. — Как не вовремя.

Он оттолкнул меня и открыл дверь. Я как раз успела выскочить наружу, когда водитель понял, что в машине есть кто-то еще.

— Эй! — закричал он, обернувшись.

Джереми схватил меня за руку и потянул за собой, но мне нужно было снять туфли. Я дернула его, и он остановился, пока я стаскивала туфли с ног. Водитель направился в нашу сторону.

— Эй! Какого черта вы забыли в моей машине?

Джереми схватил туфли, и мы побежали по улице, смеясь в темноте, и совсем запыхались, когда добрались до его машины. Он говорил правду. Это была «Хонда-Сивик», хотя и новой модели — хоть что-то. Он прижал меня к пассажирской двери, бросил туфли на асфальт и запустил руку мне в волосы.

Я обернулась на машину, к которой мы прислонились.

— А *это* правда твоя машина?

Он улыбнулся, сунул руку в карман, достал ключи. И разблокировал в качестве доказательства двери, рассмешив меня.

Он наклонился ко мне, *так близко* к губам, и я могла по-

клясться, что он уже представлял нашу совместную жизнь. Нельзя смотреть на человека так, как он смотрел на меня – со всей полнотой прошлого, – и не представлять будущего.

Он закрыл глаза и поцеловал меня. Поцелуй был полон страсти и уважения – двух чувств, которые, по мнению большинства мужчин, были не способны сосуществовать.

Мне нравилось чувствовать его пальцы в своих волосах и его язык в своем рту. И я тоже ему нравилась. Я чувствовала это по поцелуям. На тот момент мы почти ничего друг о друге не знали, но, пожалуй, так было даже лучше. Разделить такой интимный поцелуй с незнакомцем – словно сказать: *Я тебя не знаю, но верю: ты мне понравился.*

Мне нравилось, что он верил, что я ему понравлюсь. Благодаря этому я сама почти поверила, что могу кому-то понравиться.

Когда он отстранился, я захотела уехать с ним. Хотела следовать губами за его губами, хотела обхватывать пальцами его пальцы. Остаться на пассажирском сиденье, пока он вел автомобиль, было пыткой. Я сгорала изнутри. Джереми зажег во мне огонь, и я была готова на все, лишь бы он не потух.

Он покормил меня, прежде чем затащить в постель.

Отвез в «Стейк энд Шейк», и мы сидели на одном диване, ели картошку фри и пили шоколадные коктейли между поцелуями. Ресторан был почти пустым, и мы сидели в тихом углу, достаточно далеко, чтобы никто не заметил, как рука

Джереми скользнула мне между ног. Никто не слышал моего стога. Всем было плевать, когда он убрал руку и прошептал, что не собирается доводить меня до оргазма в «Стейк энд Шейк».

Я была бы не против.

– Тогда отвези меня в свою постель, – сказала я.

И он отвез. Его кровать стояла посреди квартиры-студии в Бруклине. Джереми не был богат. Он едва мог позволить себе еду, которую купил мне в закусочной. Но мне было плевать. Я лежала на спине в его постели, наблюдая, как он раздевается, и вдруг поняла, что сейчас впервые в жизни займусь любовью. У меня был до этого секс, но всегда участвовало только тело, не более того.

Но в тот момент я вложила гораздо больше, чем тело. Мое сердце наполнилось – сама не знаю чем. А раньше, с мужчинами, которые были до Джереми, сердце казалось пустым.

Поразительно, насколько по-другому ощущается секс, когда задействуется больше, чем просто тело. Я подключила сердце, и нутро, и разум, и надежду. Я растворилась в том мгновении. Не в любви. Я просто... *Растворилась.*

Словно я всю жизнь стояла на краю скалы, а после встречи с Джереми наконец решилась прыгнуть. Потому что – впервые в жизни – я была уверена, что не упаду на землю. А взлечу.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, каким безумием было так быстро в него влюбиться. Безумием, потому что эта

влюбленность не заканчивалась. Если бы на следующее утро я проснулась и ускользнула прочь, все обернулось бы короткой интрижкой, и несколько лет спустя я бы об этом даже не вспомнила. Но на следующее утро я не ушла, а значит, это превратилось в нечто большее. С каждым днем наша первая ночь повторялась вновь и вновь. Именно это и есть любовь с первого взгляда. Ее нельзя назвать любовью с первого взгляда, пока ты не проводишь с человеком достаточно много времени, чтобы она *превратилась* в любовь с первого взгляда.

Мы не выходили из его квартиры три дня.

Мы заказывали китайскую еду. И трахались. Заказывали пиццу. И трахались. Смотрели телевизор. И трахались.

В понедельник мы оба отпросились с работы, сказавшись больными, и ко вторнику я стала одержима. Одержима его смехом, его членом, его ртом, его умениями, его историями, его руками, его уверенностью, его добротой, новой и постоянной необходимостью доставлять ему удовольствие.

Мне было *нужно* доставлять ему удовольствие.

Мне было *нужно*, чтобы благодаря мне он улыбался, дышал, вставал по утрам.

И какое-то время так и было. Он любил меня сильнее, чем что-либо или кого-либо. Я стала для него единственной причиной жить дальше.

Пока он не узнал, что есть кое-что важнее меня.

Такое ощущение, что я залезла в ящик с нижним бельем Верити и теперь копаюсь в шелке и кружевах. Я прекрасно понимаю, что не должна была это читать. Я приехала сюда не для этого. Но...

Опускаю рукопись на диван и просто на нее пялюсь. У меня столько вопросов к Верити. Вопросов, которых я не могу ей задать – а Джереми, вероятно, отвечать на них не захочет. Мне нужно узнать ее получше, чтобы понять ее образ мыслей, а автобиография – лучший источник ответов. Особенно эта, столь откровенная.

Я чувствую, что это меня отвлекает, а отвлекаться не следует. Я должна найти, что ищу, и перестать путаться под ногами у этой семьи. Им уже пришлось пройти через многое, и им ни к чему назойливый гость, копающийся в нижнем белье.

Подхожу к гигантскому письменному столу и беру телефон. Уже двенадцатый час. Я начала работать около семи вечера, но не ожидала, что уже так поздно. Я даже не слышала никаких посторонних звуков. Словно кабинет звукоизолирован.

Черт, возможно, так и есть. Если бы я могла позволить себе звукоизолированный кабинет.

Хочу есть.

Странное чувство – хотеть есть в незнакомом доме. Но Джереми сказал, что все в моем распоряжении, поэтому я направляюсь на кухню.

Но далеко не ухожу. Я замираю, как только открываю дверь кабинета.

Кабинет точно звукоизолирован, или я бы услышала этот звук. Он доносится сверху, и мне приходится полностью замереть, чтобы на нем сосредоточиться. И молиться, что это вовсе не то, чем кажется.

Тихо и осторожно приближаюсь к лестнице – и действительно, звук доносится со стороны комнаты Верити. Скрип кровати. *Монотонный* скрип – такой звук издает кровать, когда мужчина залезает на женщину.

Боже мой. Прикрываю рот дрожащими пальцами. *Нет, нет, нет!*

Я однажды читала об этом статью. Женщина попала в авткатастрофу и находилась в коме. Она жила в лечебнице, и каждый день к ней приезжал муж. Персонал заподозрил, что он занимается с ней сексом, несмотря на кому, и они установили скрытые камеры. Мужчину арестовали за изнасилование, поскольку его жена была неспособна дать согласие.

Как и Верити.

Я должна что-то сделать. *Но что?*

– Шумно, знаю.

Делаю резкий вдох, поворачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с Джереми.

– Если мешает, могу выключить, – предлагает он.

– Ты меня напугал, – выдыхаю я. С облегчением поняв, что слышала вовсе не то, что думала. Джереми смотрит мне через плечо, наверх, откуда исходит звук.

– Это ее кровать. Каждые два часа поднимаются разные части матраса. Разгружает точки давления.

Чувствую, как по шее расплзается смущение. И молюсь богу, чтобы он не догадался, о чем я подумала. Кладу руку на грудь, чтобы спрятать красноту – я знаю, кожа там покраснела. У меня светлая кожа, и каждый раз, когда я нервничаю, на взводе или смущаюсь, она выдает меня, покрываясь ярко-красными пятнами. Мне хотелось бы осесть на пышный, дорогой ковер и исчезнуть.

Прочищаю горло.

– Надо же, есть такие кровати?

Мне бы пригодилась такая, когда я ухаживала за мамой. Двигать ее самостоятельно было настоящим мучением.

– Да, но они неприлично дорогие. Новая стоит несколько тысяч и даже не входит в страховку.

Я задыхаюсь, услышав цену.

– Я подогреваю еду, – сообщает он. – Хочешь есть?

– Вообще-то как раз шла на кухню.

Джереми идет обратно.

– Это пицца.

– Отлично.

Ненавижу пиццу.

ДжерEMI подходит к микроволновке как раз в тот момент, когда срабатывает таймер. Достает тарелку с пиццей, протягивает мне и готовит себе новую тарелку.

– Как идет работа?

– Хорошо, – отвечаю я. Достаяю из холодильника бутылку воды и сажусь за стол. – Хотя ты был прав. Там очень много материала. Займет несколько дней.

Прислонившись к столешнице, он ждет, пока разогреется пицца.

– Предпочитаешь работать по ночам?

– Да. Сижу допоздна и, чаще всего, поздно просыпаюсь по утрам. Надеюсь, это не проблема.

– Наоборот. Я и сам сова. Сиделка Верити уходит по вечерам и возвращается в семь утра, поэтому я не сплю до полуночи, чтобы дать Верити ночные лекарства. А утром передаю ее сиделке.

Он достает тарелку из микроволновки и ставит на стол напротив меня.

Я даже не могу смотреть ему в глаза. Как только я его вижу, то сразу могу думать только о той части рукописи Верити, где она описывает, как он запустил руку ей между ног в «Стейк энд Шейк». *Господи, мне не следовало это читать.* Теперь я буду краснеть каждый раз, когда на него смотрю. И руки у него очень красивые, что отнюдь не исправляет ситуацию.

Нужно сменить направление мыслей.

Немедленно.

– Она говорила с тобой о своем цикле? О том, что произойдет с персонажами? О концовке?

– Если и говорила, я не вспомню, – признается Джереми, опустив взгляд на тарелку. Он рассеянно двигает кусок пиццы по тарелке. – До аварии она уже довольно долгое время ничего не писала. И даже не *говорила* о писательстве.

– Как давно произошла авария?

Я уже знаю ответ, но не хочу признаваться, что прочитала его семейную историю в Гугле.

– Вскоре после смерти Харпер. На какое-то время ее поместили в медицинскую кому, потом направили на несколько недель в центр интенсивной реабилитации. Она вернулась домой всего несколько недель назад.

Он съедает еще кусок. Мне неудобно говорить на эту тему, но его разговор, похоже, не смущает.

– Перед смертью мамы я ухаживала за ней, одна. У меня нет братьев или сестер, поэтому я знаю, как это нелегко.

– Да, *нелегко*, – соглашается он. – Кстати, сочувствую насчет мамы. Не уверен, что я сказал тебе это тогда, в туалете кафе.

Я улыбаюсь, но ничего не отвечаю. Я не хочу, чтобы он про нее спрашивал. Я хочу сосредоточиться на нем и Верити.

Снова вспоминаю рукопись, потому что, хотя мы едва знакомы с мужчиной, сидящим напротив меня, у меня создается ощущение, что я его знаю. Как минимум знаю таким,

каким его описала Верити.

Интересно, как у них сложилась семейная жизнь и почему она закончила первую главу тем предложением. *«Пока он не узнал, что есть кое-что важнее меня».*

Зловещая фраза. Словно Верити готовила читателя, что в следующей главе раскроет какую-то ужасную, темную тайну про этого человека. А может, это просто прием, и она расскажет, что он святой и их дети оказались для него важнее, чем она.

В любом случае я умираю от нетерпения и хочу приступить к следующей главе, а не сидеть и пялиться на Джереми. И меня раздражает, что сейчас, когда у меня столько хлопот, я хочу одного – свернуться на диване и читать о семейной жизни Джереми и Верити. Из-за этого я чувствую себя немного жалкой.

Возможно, роман даже не про них. Я знаю писательницу, которая призналась, что использует в каждой рукописи имя мужа, пока не придумает имя для персонажа. Возможно, так поступает и Верити. Возможно, это очередное художественное произведение, а имя Джереми просто заполняет пробелы.

Похоже, есть только один способ выяснить, правду ли я читаю.

– Как вы с Верити познакомились?

Джереми отправляет в рот пеперони и ухмыляется.

– На вечеринке, – говорит он, откинувшись на спинку сту-

ла. Наконец он не выглядит грустным. – На ней было самое потрясающее платье, что я видел. Красное и такое длинное, что даже немного касалось пола. *Господи*, она была прекрасна, – говорит он с легкой тоской. – Мы ушли вместе. Когда я вышел на улицу, то увидел припаркованный лимузин, открыл дверь, мы залезли внутрь и немного поболтали. Пока не пришел водитель и мне не пришлось признать, что лимузин не мной.

Я не должна всего этого знать, поэтому заставляю себя рассмеяться.

– Он был не твой?

– Нет. Я просто хотел произвести на нее впечатление. После этого нам пришлось бежать, водитель здорово рассердился.

Он по-прежнему улыбается, словно вернулся в тот вечер с Верити и ее сексуальным красным платьем.

– После этого мы стали неразделимы.

Мне нелегко ему улыбаться. Улыбаться *им*. Думать, какими счастливыми они казались тогда, и видеть, во что превратилась их жизнь теперь. Интересно, есть ли в ее автобиографии подробное объяснение, как они попали из точки А в точку Б? В самом начале она упоминает смерть Частин. А значит, она написала ее, или, по крайней мере, *дополнила*, после первой большой трагедии. Интересно, как долго она над ней работала?

– Когда вы познакомились, Верити уже была писателем?

– Нет, она еще училась в колледже. Это случилось позднее – она написала первую книгу, когда мне пришлось на несколько месяцев уехать по работе в Лос-Анджелес. Думаю, так она коротала время, дожидаясь моего возвращения. Сначала ей отказало несколько издательств, но потом рукопись продалась, и сразу... Все случилось так быстро. Наша жизнь изменилась буквально в одночасье.

– Как она справлялась со славой?

– Думаю, мне это далось тяжелее, чем ей.

– Потому что ты предпочитаешь оставаться в тени?

– Так заметно?

Пожимаю плечами.

– Я тоже интроверт.

Он смеется.

– Верити не совсем обычный писатель. Она любит внимание. Модные вечеринки. А мне там всегда некомфортно. Мне нравится быть дома, с детьми. – Выражение его лица слегка меняется, когда он понимает, что говорит о девочках в настоящем времени. – С *Крю*, – поправляется он. Качает головой и кладет ладони на шею, словно потягивается. Или словно ему неловко. – Тяжело иногда вспоминать, что их больше нет, – тихо признается он, глядя сквозь меня в пустоту. – Я все еще нахожу их волосы на диване. Носки в сушилке. Иногда я окликаю их, потому что хочу им что-то показать и забыл, что они уже не прибегут ко мне по ступенькам.

Я пристально за ним наблюдаю, потому что все еще со-

мневаюсь. Я пишу романы в жанре саспенс. И знаю: когда возникают подозрительные ситуации, их практически всегда сопровождают подозрительные люди. Я разрываюсь между желанием побольше узнать о том, что случилось с девочками, и желанием уйти, причем как можно скорее.

Но сейчас я смотрю не на мужчину, который устраивает представление, чтобы вызвать сочувствие. Я смотрю на мужчину, который впервые стал откровенен.

И мне хочется сделать то же самое.

– Мама умерла совсем недавно, но я понимаю, о чем ты. Каждое утро в ту первую неделю я вставала и готовила ей завтрак и только потом вспоминала, что есть его уже некому.

Джереми опускает руки на стол.

– Интересно, как долго это продлится. Или теперь так будет всегда?

– Думаю, время определенно поможет, но, возможно, не повредит и подумать о переезде. В доме, где они никогда не жили, будет возникать гораздо меньше воспоминаний. Их отсутствие станет нормой.

Он проводит рукой по щетине на подбородке.

– Не уверен, что мне нужна норма, где нет никаких следов Харпер и Частин.

– Да, – соглашаюсь я. – Понимаю.

Он смотрит мне в глаза, но молчит. Иногда люди смотрят друг на друга так долго, что становится не по себе. Приходится отводить взгляд.

И я отвожу.

Смотрю на тарелку и провожу пальцем по волнистому краю. Казалось, его взгляд проник гораздо глубже моих глаз, в самые мысли. И даже, хотя он этого не хотел, ощущения очень интимные. Когда Джереми на меня смотрит, создается ощущение, что он изучает меня до самых глубин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.